

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

63334
5-282

63334

2/
0158588

2

173

Н. Случевскій

„ПѢСНИ ИЗЪ

Съ портретомъ автора

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Маркса.

СОЧИНЕНІЯ К. К. СЛУЧЕВСКАГО

въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ гелиографіею.

Въ это изданіе вошли всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевского, причемъ первые три тома заключаютъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, а содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ составляютъ произведенія въ прозѣ.

ТОМЪ I. Думы.—Женщина и дѣти.—Лирическія.—Мгновенія.—Черноземная полоса.—Мурманскіе отголоски.—Изъ природы.—Мегистополь.—Изъ дневника односторонняго человѣка.—Пѣснь изъ „Угелка“.

ТОМЪ II. Баллады, фантазіи и сказы.—Въ пути.—На разные случаи и смѣсь.—Драматическія: Элоа. (Апокрифическое преданіе).—Бунтъ. (Драматическая хроника).—Землетрясеніе. (Драматическая сцена).—Въ католическомъ монастырѣ XV вѣка.

ТОМЪ III. Призракъ.—Въ снѣгахъ.—Три женщины. (Разсказъ).—Попъ Елисей. (Разсказъ).—Ересеархъ.—Бывшій князь. (Неоконченная хроника).—Безъ имени. (Времени крѣпостного права).—Ларчикъ.—Тоже нравственность.

ТОМЪ IV. Повѣсти: Голубой платокъ. (Изъ записокъ выдворившаго).—Око за око.—Профессоръ безсмертія.—Трещина.—Сказки: Альгоа. (Фантазія на южно-сибирское преданіе).—Любовь сокола.—Идолъ.—Грамматическая сказка.—Сосунъ.—Господинъ Можеть-Быть.—Дымный человѣкъ.—Чудесная гитара.—Вѣрба. Мурманскіе разсказы: Передъ закрытыми глазами. (На Мурманѣ).—Черная буря.—Безымень.—Моленье вѣтру. Типы: Выстрѣлъ.—Капитанъ и его лошадь.—Человѣкъ и картоны.—Бабушкины пузыри.—Два Сидоровыхъ.—Новый Дулькамара.—Ищутъ клоуновъ.—Какъ можно лгать.

Шесть томовъ „Сочиненій“ К. К. Случевского изданы весьма изящно, отпечатаны на хорошей бумагѣ и заключаютъ въ себѣ: т. I.—VII+368 страницъ, т. II.—IV+359 стр., т. 3.—316 стр., т. 4.—IV+443 стр., т. 5.—IV+454 стр. и т. 6.—395 стр.—всего XIX+2336 страницъ.

Цѣна за 6 томовъ—8 р., съ пересылкою—8 р. 75 к., въ шести изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 11 р., съ пересылкою—12 р.

ТОМЪ V. Въ великіе дни: I. Совершилось. II. На зарѣ. III. Силоамскіе голуби. IV. На пути въ Эммаусъ.—V. Подлѣ яслей.—VI. Невѣста.—Историческіе: Бронзовые кони. (Времени крещенія Руси).—Въ скудельницѣ.—Императрица Екатерина II и Кіевскіе угодники.—Исчезнувшій свертокъ.—Коринская капитель.—Амазонки.—Боровъ.—Форнарина.—На мѣсто!—Художественныя убійства.—Удивительное приключеніе.—Мечты и выстрѣлы.—Разсказы: Мой дядя. (Изъ воспоминаній успокоившагося человѣка).—Старые часы.—Полусказка.—Обликъ.—Кто лгалъ?—Изъ чужого дневника.—Что людямъ иногда кажется?—Ключикъ.—Чугунные фрукты.—Подсмотреть.—Пригладиться къ ней.—Оглуша.—„Нынѣ отпущаеши“. (Народное преданіе).—Наслѣдница.—Воспоминаніе.—Воскресшіе.—Случай.—Завянетъ ли?—Археологъ.—Фаустъ въ новомъ пересказѣ.—Добрыня Никитичъ поссорилъ.—Безъ хозяйки.

ТОМЪ VI. Наброски: La Pointe.—Двѣ капли.—Два тура вальса.—двѣ елки.—Слова на улицѣ.—Въ пылу боя.—Находка.—Въ капищной степи.—Подражаніе: Капитанъ Немо въ Россіи. (Глава изъ Жюль Верна, никѣмъ и нигдѣ не напечатанная).—Недавно найденная глава Донъ-Кихота.—Сказка тысяча второй ночи. Виртуозы. (Повѣсть).—Застрѣльщики. (Повѣсть).

БОЛЬШОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

„ПО СѢВЕРНО-ЗАПАДУ РОССІИ“.

Соч. К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

Въ двухъ объемистыхъ томахъ XX+XII+1064 страницы большаго 8°, съ двумя картами сѣвернаго и западнаго края, отпечатанными въ 6 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Блѣдствіе исключительно благоприятныхъ условій, въ которыхъ находился авторъ, ему представлялась возможность ознакомиться съ наиболее выдающимися достопримѣчательностями посѣщенныхъ мѣстъ и видѣть многое, что для другихъ путешественниковъ ко бываетъ доступно. Благодаря этому, книга К. К. Случевского заключаетъ въ себѣ вѣчайшо разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, географическаго, этно-

Продолженіе см. на слѣдующ. стр. обложки.

инен-

и. Слу-
орения,
озъ.

шилось.
IV. На
VI. Не-
и. (Вре-
ициъ. —
е угод-
инеская
Форма-
я убий-
сечты и
воспо-
Старые
галъ? —
иногда
укты. —
и. — Ое-
ое пре-
— Вос-
Архео-
— Доб-
айки.
апли. —
ова на
ь кал-
Немо
никъмъ
найден-
тысяча
стрель-

ны на
т. 3. —
ь.
ленно-

артаки
ми.
авторъ,
имъча-
никовъ
въ себя
о, этно-
ложки.

К. Гусевский

Печат. въ артист. завод. А. Ф. Маркса.

Digitized by Google

С-494

П-282

Sluchewskij, K.K.

Н. Случевскій.

С 485 п

ПѢСНИ ИЗЪ УГОЛКА

Съ портретомъ автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Маркса.
1902.

НБ

РГ 3470
S59 P5

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ПЪСНИ ИЗЪ УГОЛКА.

1895—1901.

A.

ПОСВЯЩАЮТСЯ

А. А. Коринфскому и Н. А. Котляревскому.

Мы—разныхъ областей мышленья...
Мы—разныхъ силъ и разныхъ лѣтъ...
Отъ васъ мнѣ слово утѣшенья,
Отъ васъ мнѣ дружескій привѣтъ.

Мы шли различными путями,
Различно билось сердце въ насъ,
И мало схожими страстями
Мы жили въ тотъ, иль въ этотъ часъ.

Но есть невѣдомыя страны,
Гдѣ—въ единеніи святомъ—
Цвѣтутъ, какъ на Валгаллѣ, раны
Ворцовъ; почившихъ вѣчнымъ сномъ.

Чѣмъ больше ранъ—тѣмъ цвѣтъ ихъ краше.
Чѣмъ глубже—тѣмъ расцвѣтъ пышнѣй!..
И въ этомъ, въ этомъ—сходство наше,
Друзья моихъ послѣднихъ дней.

1.

Здѣсь счастливъ я, здѣсь я свободенъ,—
 Свободенъ тѣмъ, что жизнь прошла,
 Что ни къ чему теперь не годенъ,
 Что полуслѣвъ, что эта мгла

Своимъ могуществомъ жестокимъ
 Меня не въ силахъ сокрушить,
 Что свѣтомъ внутреннимъ, глубокимъ
 Могу я самъ себѣ свѣтить,

И что изъ общаго крушенья
 Всѣхъ прежнихъ силъ, на склонѣ лѣтъ,
 Святое чувство примиренья
 Пошло во мнѣ въ роскошный цвѣтъ...

Не такъ-ли въ рухляди, надъ хламомъ,
 Изъ перегноя и трухи,
 Растутъ и дышатъ оиміагомъ
 Цвѣтовъ красивые верхи?

Пускай основы правды зыбки,
 Пусть все безумно въ злобѣ дня,—
 Доброжелательной улыбки
 Имъ не лишить теперь меня!

Я домъ воздвигъ въ странѣ бездомной,
 Рѣшилъ задачу всѣхъ задачъ,—
 Пускай ко мнѣ, въ мой уголъ скромный,
 Идутъ и жертва, и палачъ...

Я вижу, знаю, постигаю,
 Что всѣ должны быть прощены;
 Я добръ—умомъ, я утѣшаю
 Тѣмъ, что въ безсилъ всѣ равны.

Да, въ лоно мощнаго покоя
 Вошелъ мой тихій «Уголокъ»—
 Возросшій въ горахъ перегноя
 Очаровательный цвѣтокъ...

2.

Мой садъ оградой обнесенъ;
Въ моемъ дому живутъ, не споря;
Садъ весь къ лазури обращенъ—
Къ лицу двухъ рѣкъ и лику моря.

Тутъ люди кротки и добры,
Живутъ безъ скучныхъ пререканій;
Ихъ мысли прѣсты, не хитры,
Въ нихъ нѣтъ нескромныхъ пожеланій.

Весь міръ, весь безконечный міръ —
Внѣ сада, внѣ его забора;
Тамъ цѣнность золота—кумиръ,
Тамъ столько крови и задора!

Здѣсь, очень рѣдко, иногда
Есть въ жизни грустныя странички:
Погибнетъ рыбка средь пруда,
Въ травѣ найдется тѣльце птички...

И ты въ мой садъ не приходи
 Съ твоимъ озлобленнымъ мышленьемъ,
 Его покоя не буди
 Обиднымъ, гордымъ самоиѣньемъ.

У насъ нѣтъ мѣста для вражды!
 Любовь, что этотъ садъ взрощала,
 Чиста! Ей примѣси чужды,
 Она тепломъ не обнищала.

Она, незримая, лежитъ
 Въ корняхъ деревьевъ—тьмой объята,
 И ею вся листва шумитъ
 Въ часы восхода и заката...

Нѣтъ! Приходи въ мой садъ скорѣй
 Съ твоей отравленной душою;
 Близъ скромныхъ, искреннихъ людей
 Ты приобщись къ ихъ покою.

Отсюда мѣръ, весь мѣръ, изъять
 И, полный злобы и задора,
 Не смѣя ринуться въ мой садъ,
 Глядитъ въ него изъ-за забора...

3.

Какъ ты боишься привидѣній!
 Повѣрь: они—твой личный бредъ;
 Намъ съ міромъ мертвыхъ нѣтъ общеній
 И между двухъ міровъ—запретъ.

Когда-бъ я мертваго увидѣлъ
 Хоть мигъ одинъ, какъ видѣлъ ты,
 Я-бъ этотъ мигъ возненавидѣлъ,—
 Онъ сжегъ бы всѣ мои мечты.

Нельзя изъ моря снова въ рѣку
 Былыя волны обратить;
 Нельзя свершившемуся вѣку
 Вернуться и грядущимъ быть.

Умершій сгинулъ безвозвратно,
 Земное въ немъ завершено...
 Что дальше? людямъ непонятно;
 Безсмертье—плодъ, а мы—зерно!

Нѣтъ между двухъ міровъ общеній;
 Кто умеръ, тотъ, какъ лучъ, погасъ,—
 Въ немъ плоти нѣтъ для проявленій,
 Онъ не воздѣйствуетъ на насъ.

Загробный міръ—необходимость
 Въ великой логикѣ причинъ,
 Но тутъ возможна совмѣстимость:
 И оба міра—лишь одинъ!

Да, для обитателей загробныхъ
 Не нужно вовсе сферъ иныхъ,
 Такихъ, которымъ нѣтъ подобныхъ
 Въ подлунной, на путяхъ земныхъ.

Быть-можетъ, тутъ-же, между нами
 Способны мертвые витать
 И мы обвѣяны душами.....
 Но ихъ—ни видѣть, ни признать!

И я привѣтствую порою
 Мечту чудеснѣй всѣхъ другихъ:
 Я живъ, но мертвые со мною,
 Они при мнѣ и я при нихъ.

4.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ —
Живой покой, святая тишина,
Все полно яснымъ, нетревожнымъ свѣтомъ,
Въ душѣ легко, и ясно даль видна!

И, если мгла за нѣкоторой гранью
Передъ умомъ слегка скрываетъ даль,—
Страдать отъ этого невысказанно сознанью:
Мнѣ жаль, что — мгла, но мнѣ спокойно жаль...

Тогда какъ въ чувствахъ столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаній духа и страданій воли,—
Успокоенье только въ забыти,—

Что всѣ восторги страстныхъ наслажденій,
Всѣхъ оргій чувствъ за время лучшихъ лѣтъ
Не искупятъ безвременныхъ мученій,
Всегда идущихъ оргіямъ вослѣдъ...

Спѣши, спѣши въ спокойствіе мышленья,—
Въ немъ нерушимъ довременный покой;
Тамъ нѣтъ борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя — желанный и родной!..

5.

Какая ночь! Зашелъ я въ хату,
Весь лѣсъ лучами озаренъ
И, какъ по кованному злату,
Тѣнями ночи зачервленъ.

Сквозь крышу, крытую соломой,
Мнѣ мнится — будто я цвѣтокъ
Съ его полуночной истомой,
Съ сіяньемъ мѣсяца у ногъ!

Вся хата — то мои покровы,
Мой цвѣтень и листва моя...
Должно быть, всѣ цвѣты дубровы
Теперь мечтаютъ такъ, какъ я!

6.

Воспоминанья вы убить хотите?!
 Но—сокрушите помысломъ скалу,
 Дыханьемъ груди солнце загасите,
 Огнемъ костра согрѣйте ночи мглу!..

Воспоминанья—вѣчныя лампы,
 Былой весны чарующій покровъ,
 Страній духа позднія награды,
 Послѣдній слѣдъ когда-то милыхъ сновъ.

На склонѣ лѣтъ живешь, годами согнуть,
 Одна лишь память свѣтитъ на пути...
 Но, если вдругъ воспоминанья дрогнуть,—
 Погаснетъ все, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкія монеты!
 Когда другихъ монетъ не отыскать—
 Онѣ пригодны! Цѣлые банкеты
 Воспоминанья могутъ задавать.

Бѣда, бѣда, когда средь нихъ найдется
 Стыдъ иль пятно въ свершившемся быломъ!
 Оно къ банкету скрытно проберется
 И тѣнью Банко сядетъ за столомъ.

мб. 21985.

63334

7.

Гдѣ, скажите мнѣ, та высь небесъ лазурная,
 Ночь—объявшая Татьяну полумглою,
 Гдѣ тревога та пугливая и бурная,
 Прогудѣвшая надъ дѣвичьей душой?

Няня гдѣ ея? Съ любовью неизмѣнною,
 Съ Таней жившая всѣмъ сердцемъ за-одно,
 Съ рѣчью ласковою, сѣдиной почтенною,
 Крѣпко вѣрившая въ то, что суждено?

Гдѣ, скажите мнѣ, тотъ смыслъ живого генія,
 Тотъ полуденный въ саду старинномъ свѣтъ,
 Что присутствовали при словахъ Евгенія,
 Танѣ давшаго свой рыцарскій отвѣтъ?

Гдѣ кипѣвшая живымъ ключомъ страсть Ленскаго?
 Скромность общая имъ всѣмъ, движеній чинъ?
 Эта правда, эта прелесть чувства женскаго,
 Эта искренность и честность у мужчинъ?

8.

Вы — думы яркія, мечтанья золотыя,
 Живыя дѣтища живой души моей,
 Рождайтесь въ добрый часъ, плодитесь, свѣтовые,
 Являйтесь въ полчищахъ блистанья и тѣней!

Большія полчища, живущія внѣ тлѣнья,
 Во мнѣ возникшія, но видныя другимъ,
 Непостижимыя наукой воплощенья, —
 Вы — не мерцаніе, не призраки, не дымъ.

Въ васъ ясно зримыя свидѣтельства мельбають
 Того, что области безсмертья — не мечты!
 Что, такъ иль иначе, отъ нихъ къ намъ достигаютъ
 И чувствуются намъ нетлѣнія черты...

Я буду умирать! Со мною, обмирая,
 Но все еще живя, сверкая и звеня,
 Мечта и мысль, законамъ уступая,
 Начнутъ вдругъ отходить куда-то отъ меня —

Въ непостижимое, въ неясное, въ нѣмое—
Въ слои невѣдомые «множества жилищъ»...
И съ ними отойдетъ все то полуземное,
Въ чемъ богомъ я бывалъ, родившись слабъ и нищъ...

И, можетъ-быть, тогда, какъ эха откликъ нѣжный,
Въ иной загробный міръ я имъ вослѣдъ пройду—
Какъ и они, живой, свободный, безмятежный—
И личностью своей вполне не пропаду...

9.

Дайте, дайте мнѣ, долины наши ровныя,
 Вашей ласковой и кроткой тишины!
 Сны младенчества счастливые, безкровныя,
 Если-бъ были вы второй разъ мнѣ даны!

Если-бъ все,—да, все,—что было и утрачено,
 Что бѣжить меня, опять навстрѣчу шло,
 Что теперь совсѣмъ не мнѣ — другимъ назначено,
 Но въ минувшій срокъ и для меня цвѣло!

Если-бъ это все возникло по прошедшему, —
 Какъ сумѣлъ-бы я мгновенье оцѣнить,
 И себя въ себѣ негаданно нашедшему
 Довелось бы жизнь изъ полной чаши пить!

А теперь я что? Я — пѣсня въ подземелии,
 Слабый лунный свѣтъ въ горячій подняя часъ,
 Смѣхъ въ рыданіи и тихій плачъ въ веселіи...
 Я — ошибка жизни, не въ послѣдній разъ...

10.

Сквозь оболочку праха, пыли, тлѣнья,
 Сквозь насъ, блуждающихъ подъ именемъ людей,
 Проходятъ иногда живыя представленья
 Безсмертныхъ, божескихъ, зиждительныхъ идей!

Кто такъ глубоко палъ, что въ немъ не возникали
 Идеи вѣчности, добра и красоты,—
 Тому не прозрѣвать въ заманчивыя дали
 Путей къ безсмертію! Къ нимъ сломаны мосты!

Но тотъ, въ комъ Божій духъ скитался сокровенно,
 Въ комъ, такъ иль иначе, онъ хоть на мигъ гостилъ,—
 Тотъ въ вѣчность перейдетъ безспорно, несомнѣнно,
 Хотя-бы онъ совсѣмъ рассыпался и сгнилъ.

Не тѣмъ, что можетъ тлѣть, не временною тканью—
 Духовной личностью онъ Бога принималъ
 И этимъ таинствомъ пришелъ къ неумиранью—
 Будь онъ преступникомъ, будь онъ великъ иль малъ.

Гдѣ, какъ, когда, какимъ путемъ—не знаю,
Но онъ не можетъ быть безслѣдно сокрушенъ...
Не столько думаю, насколько постигаю,
Что даже обликъ свой вовеки удержать онъ...

11.

Да, да, когда я молодъ былъ,
 Я такъ-же—какъ и ты—судилъ
 И точно такъ-же, какъ и ты,
 Бывалъ игрушкой злой мечты!
 Мы—отступающая рать—
 Перестаемъ васъ понимать...
 Еще потопъ не наступалъ,
 Когда братъ брата убивалъ;
 Чуть отжилъ вѣкъ Маѳусаилъ,
 Отецъ осмѣялъ сыномъ былъ!
 Вы—верхъ возьмете, мы—падемъ,
 Какъ Цезарь, скрывъ лицо плащомъ...
 Хоть знаютъ всѣ: Брутъ честенъ былъ,
 Когда свой ножъ окровавилъ;
 Но, при Филиппахъ, иногда
 Всплываетъ мщенія звѣзда...
 Сегодня при Филиппахъ—мы!
 Къ намъ призракъ движется изъ тьмы,
 Онъ въ васъ, онъ—съ вами заодно...

Но всѣмъ вамъ то-же суждено...
Да, нашей юности вина
Въ наслѣдство вамъ передана;
Падете вы, какъ мы падемъ,—
Но скроете-ль лицо плащомъ?

12.

Не можетъ свѣтъ луны надъ влагой
Покровомъ лечь,—идеть до дна;
Лишь блески съ дерзкою отвагой
Плывутъ, и ихъ дробить волна.

Но если свѣтъ къ плитѣ могильной
Опустится—ковромъ лежить,
Блѣднѣя въ немощи безсильной
Проникнуть глубже подъ гранить.

Луна блеститъ, не созная;
Все дѣло въ томъ: гдѣ свѣтъ падеть?
Я—свѣтъ луны; ты, дочь родная,
Будь свѣтлымъ лономъ чистыхъ водъ.

~~~~~

13.

Часто съ тобою мы спорили..
Умерь! Осилить не могъ
Сердцемъ правдивымъ и любящимъ
Мелкихъ и крупныхъ тревогъ.

Кончились споры. Знать, правильнѣй
Жилъ ты, не вкривъ и не вкось!
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—
Сердце твое порвалось...

14.

Сколько хорошихъ мечтаній
 Люди убили во мнѣ;
 Сколько стубиль я дѣяній
 Самъ, по своей-же винѣ...

Въ жизни: комедіи, драмы,
 Оперы, фарсъ и балетъ
 Ставятся въ общія рамы
 Повѣсти множества лѣтъ...

Я доигрался! Я—дома!
 Скромень, спокойнень и правъ,—
 Ножъ и пилу анатома
 Съ вѣтвью оливы связавъ!

15.

Предъ великою толпою
Музыканты исполняли
Что-то полное покоя,
Что-то близкое къ печали;

Скромно плакали гобой
Въ изліяньяхъ пасторальныхъ,
Кружевные лѣлись звуки
Въ чудныхъ фразахъ музыкальных...

Но толпа вокругъ шумѣла:
Ей нужны иныя трели!
Спой ей пѣсню о безумьѣ,
О поруганной постели;

Дай ей рѣзкихъ полутоновъ,
Тактомъ тактъ перешибая,
И она зарукоплещеть,
Ублажась и понимая...

16.

Порой хотѣлось бы всѣхъ вѣяній весны
И разноцвѣтныхъ искръ чуть выпавшаго снѣга,
Мятущейся толпы, могильной тишины,
И тутъ-же свѣтлыхъ сновъ спокойнаго ночлега!

Хотѣлось бы, чтобъ степь вокругъ меня легла,
Чтобъ было все мертво и царственно молчанье,
Но чтобъ въ степи рѣка могучая текла,
И въ заросляхъ ея звучало трепетанье.

Ущелій Терека и береговъ Днѣпра,
Парижской толчи, безлюдья Иордана,
Альпійскихъ ледниковъ живого серебра,
И римскихъ катакомбъ, и лилій Гулистана.

Возможно это все, но каждое въ свой срокъ
На протяженіяхъ великихъ разстояній,
И надо ожидать и надо, чтобъ ты могъ
Направить къ нимъ пути своихъ земныхъ скитаній, —

Тогда какъ помысловъ великимъ волшебствомъ
И полной мощностью всѣхъ силъ воображенья,
Ты можешь все имѣть въ желаніи одномъ,
Здѣсь, подлѣ, вокругъ себя, сейчасъ, безъ промедленья!

И ты въ себѣ самомъ—владыка изъ владыкъ,
Родникъ таинственный—ты самъ себѣ природа,
И міръ души твоей, какъ Божій міръ, великъ,
Но больше, шире въ немъ и счастье, и свобода...

17.

Въ темнотѣ осенней ночи—
 Ни луны, ни звѣздъ кругомъ,
 Но ослабнувшія очи
 Видятъ явственнѣй, чѣмъ днемъ.

Фейерверкъ передъ глазами!
 Память вздумала играть:
 Какъ бенгальскими огнями—
 Начинаетъ въ ночь стрѣлять,—

Синій, красный, снова синій...
 Скорострѣльная пальба!
 Сколько пламенныхъ въ ней линій,—
 Только жить имъ не судьба...

Тамъ, внизу, течетъ Нарова—
 Все погасить, все зальетъ,
 Даже облика Петрова
 Не щадить, не бережетъ,

Загашаеть... Но упорна
Память царственной руки:
Царь ударилъ въ щёку Горна,
И звучить ударъ съ рѣки.

18.

О, какъ я чувствую, когда къ чему-нибудь
Лежить душа и страстно увлекаетъ;
Сознанье долга тотъ-же самый путь,
Но только медленно, тихонько, совершаетъ!

И долгъ исполнить свой—не то, не то совсѣмъ,
Что чувству вслѣдъ идти. Пускай порывы ложны,
Пусть опрометчивы; въ порывахъ умъ нашъ нѣмъ,
Но подвиги людей и безъ ума возможны.

Въ нихъ что-то высшее руководить душой,
Мученья—нипочемъ, радъ погибнуть въ ореолѣ;
И чувствуетъ душа въ себѣ тотъ самый строй,
Что чувствовалъ Донской на Куликовомъ полѣ.

19.

Еще покрыты льдомъ живые лики водъ,
 И нѣдра ихъ полны холодной тишиною...
 Но тронулась весна, и—сколько въ нихъ заботъ,
 И сколько суеты проснулось подъ водою!..

Вскрываются нимфей дремавшихъ сѣмена,
 И длинный водоросль побѣги выпускаетъ,
 И ряска множится... Вотъ, вотъ она, весна,—
 Открыла полыньи и ярко въ нихъ играетъ!

Запасъ подземныхъ силъ уже давно не спать,
 Онъ двигается весь, прикормленъ глубиною;
 Онъ воды, въ прѣзель окрасивъ, породнить
 Съ глубоко теплою небесной синевою...

Ты, старая душа, кончающая вѣкъ,—
 Какими ты къ веснѣ пробудишься ростками?
 Сплетенья корневищъ потребуютъ просѣкъ,
 Чтобы согрѣть тебя весенними лучами.

И въ заросляхъ твоихъ, безмолвныхъ и густыхъ,
Одна надежда есть, одна—на обновенье:
Субботній день къ концу... Послѣдній изъ твоихъ...
А за субботой что? Конечно, воскресенье.

20.

Чуть глянулъ жаръ румянаго востока;
Всѣ въ домѣ спать и благовѣста нѣтъ,
Въ косыхъ лучахъ домъ блещетъ непривычно,—
Такъ днемъ его не освѣщаетъ свѣтъ.

Послѣднихъ сновъ послѣднія видѣнья
Бѣгутъ, бѣгутъ, готовясь исчезать...
О, если-бъ имъ, хоть одному, запнуться
И въ свѣтлый день дѣйствительностью стать!

21.

Вотъ—мои воспоминанья:
Прядь волосъ, письмо, платокъ,
Два обрывка вышиванья,
Два кольца и образокъ...

Но—за теменью былого—
Въ именахъ я съ толку сбить.
Кто они? Не дать-ли слова,
Что и я, какъ тѣ, забыть!

Въ этомъ—времени учтивость,
Завершеніе всему,
Золотая справедливость:
Ничего и никому!..

22.

Отъ горизонта поднимаясь,
 Гонима кверху вѣтеркомъ,
 Всплываетъ туча, вырастаетъ
 И воздвигается столбомъ.

Какъ-бы листвою развѣтвляясь,
 Сокрывъ отъ глазъ людскихъ зенитъ,
 Она чудовищною пальмой
 Надъ моремъ блещущимъ виситъ.

Въ чемъ правда тутъ? Что несомнѣнный:
 Игра-ли свѣта въ облакахъ,
 Иль облака, иль волны моря,
 Иль отблескъ ихъ въ моихъ глазахъ?

И самъ я въ жизни что такое?..
 Мнѣ мнится: я одинъ живу,
 Весь міръ—мое лишь сновидѣнье,
 Моя-же греза—на-яву!

23.

Всегда, всегда несчастливъ былъ я тѣмъ,
Что всѣ тѣ женщины, что близки мнѣ бывали,
Смѣялись творчеству въ стихахъ! Былъ духъ ихъ нѣмъ
Къ тому, что мнѣ мечтанья навѣвали.

И ни въ одной изъ нихъ, ни мало, никогда
Не могъ я вызывать отзывчивыхъ мечтаній...
Не къ нимъ я, радостный, спѣшилъ въ тотъ часъ, когда
Являлся новый стихъ счастливыхъ сочетаній!

Не къ нимъ, не къ нимъ съ новинкой я спѣшилъ,
Съ открытою, еще дрожавшею, душою
И приносилъ цвѣтокъ, что самъ я опылилъ,
Цвѣтокъ, дымившійся невысохшей росой.

24.

Мельчаютъ, что ни день, людскія поколѣнья!
 Одинъ или два удара въ нихъ судьбы, —
 Какъ паралитики лишаются движенья,
 Какъ неврастеники являютъ изступленья,
 И спины ихъ сгибаются въ горбы.

О, сколько хилости и вырожденій съ дѣтства!
 И имъ-то, слабымъ, въ будущемъ грозятъ
 Такія страшныя задачи и наслѣдства
 Особыхъ способствъ и видовъ людоедства,
 Какихъ не знали сорокъ лѣтъ назадъ.

Простите, дѣти, насъ, преступныхъ передъ вами...
 Природа-мать, призвавъ отцовъ любить,
 Ихъ незамѣтными опутала сѣтями,
 И вы, несчастные, рождались матерями,
 Не знавшими, какъ вамъ придется жить...

25.

Съ простымъ толкую человѣкомъ...
 Телѣга, лошадь, входъ въ избѣ...
 Хвалю порядокъ въ огородѣ,
 Хвалю оконную рѣзбу.

Все—дѣло рукъ его... Какая
 Въ немъ скромныхъ мыслей простота!
 Не можетъ пошатнуться вѣра,
 Не можетъ въ ростъ пойти мечта.

Онъ тридцать осеней и вѣсенъ
 Къ работѣ землю пробуждалъ;
 Вопросъ о томъ: зачѣмъ все это —
 Въ немъ никогда не возникалъ.

О, какъ жестоко подавляетъ
 Меня спокойствіе его!
 Обидно, что признанье это
 Не измѣняетъ ничего...

Ему — райкъ въ театрѣ жизни,
И слезъ, и смѣха простота;
Мнѣ — злобы дня, сомнѣнья, мудрость
И — на вѣсь золота мѣста!

26.

Слабѣть свѣтъ моихъ очей,
Я самъ не свой и я ничей;
Отвергнуть строемъ бытія,
Не знаю самъ: живу-ли я?
Пѣвецъ! Одинъ лишь ты, пѣвецъ,
Ты, Бога свѣтлый посланецъ,
Слѣпцу, когда начнешь ты пѣть,
Дашь опять на міръ глядѣть...
Какъ всѣ — живу, какъ всѣ — смотрю
И вижу море и зарю
И чуднымъ пѣніемъ твоимъ
Живу, какъ всѣ, и равенъ имъ.
Заслышавъ пѣснь, я воскресалъ...
Жизнь, жизнь, ты — радостный хоралъ!
Прозрѣлъ я и признать готовъ,
Что люди — этотъ міръ слѣпцовъ —
Не знаютъ, видѣть не хотятъ,
Какъ жизни радостенъ нарядъ;
Какъ мнѣ — ослѣпнуть надо имъ,

Чтобъ въ счастье видѣть имъ не дымъ;
Тогда тебя они поймутъ,
Пѣвецъ... Когда ты подлѣ, тутъ
И не ушелъ, — мнѣ не видать, —
Запой скорѣй, запой опять!
И я повсюду за тобой
Влечись буду, прахъ земной
Тревожить и благодарить,
И славословить, и молить
Тебя... Но только пой мнѣ, пой!
Взгляни: ты видишь — я слѣпой!

27.

Ты часто такъ на снѣгъ глядѣла,
Дитя архангельскихъ снѣговъ,
Что мысль въ очахъ обледенѣла,
И взглядъ твой холодно-суровъ.

Бѣги! Направься къ странамъ знойнымъ,
Къ морямъ, не смѣвшимъ замерзать:
Онѣ дыханіемъ спокойнымъ
Принудятъ взглядъ твой запылать.

Тогда изъ новыхъ сочетаній,
Гдѣ югъ и сѣверъ въ связь войдутъ,
Возникнетъ міръ очарованій
И въ немъ — кому-нибудь пріютъ...

~~~~~

28.

И вотъ, сижу въ саду моемъ тѣнистомъ
И предъ собой могу воспроизвестъ,
Какъ это будетъ въ часъ, когда умру я,
Какъ дрогнетъ все, что предъ глазами есть.

Какъ полетятъ повсюду извѣщенья,
Какъ потеряетъ голову семья,
Какъ соберутся, вступятъ въ разговоры,
И какъ при нихъ безмолвенъ буду я.

Живыя связи разлетятся прахомъ,
Возникнутъ сразу всякія права,
Начнется давность, народятся сроки,
Среди сиротъ появится вдова.

Въ тепло семьи дохнѣтъ морозъ закона,—
Быть-можетъ, самъ я вызвалъ тотъ законъ;
Не долженъ онъ, не можетъ ошибаться,
Но и любить—никакъ не можетъ онъ.

И мнѣ никто, никто не поручится,—
Я видѣлъ самъ, и не одинъ примѣръ:
Какъ между близкихъ, самыхъ близкихъ кровныхъ,
Вдругъ проступалъ созрѣвшій лицемѣръ...

И это все, что здѣсь съ такой любовью,
Съ такимъ трудомъ успѣлъ я насадить,
Ему, спокойной, смѣлою рукою —
Призвавъ законъ—удастся сокрушить...

29.

Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ,
И тихо льетъ тепло съ лазурной вышины,
И, если память мнѣ въ конецъ не измѣняетъ,
Я въ дѣтствѣ раза три не замѣчалъ весны,—

Не замѣчалъ того, какъ мнѣ дышалось чудно,
Какъ мчались журавли и какъ цвѣла сирень...
Десятки лѣтъ прошли; ихъ сосчитать не трудно,
Когда бы сосчитать не возбраняла лѣны!

Не велико число! Но собранный годами
Скарбъ жизни такъ великъ, такъ много груза въ немъ,
Что, если-бы грузить—пришлось-бы кораблями,
Водю отпирать, а не инымъ путемъ...

Противорѣчія красоть и безобразій,
Громадный хламъ скорбей, сомнѣній и обидъ,
Воспоминанія о прелестяхъ Аспазій,
Труды Сизифовы и муки Данаидъ,

„Пѣсни изъ Уголка“.

Мученья Танта́ла, обманы сына, брата,
Порывы глупостей, подъ-рядъ или въ-разбродъ;
Въ однихъ я шествовалъ на подвигъ Герострата,
Въ другихъ примѣромъ мнѣ являлся Донъ-Кихоть...

Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ...
Лазурна высь небесъ, въ поляхъ ручьи журчатъ...
Какъ много жизнь людей всего, всего вмѣщаетъ,
И что же за число въ двѣ цифры—шестьдесятъ!...

30.

Когда больной умреть, и кончится со смертью
Ужасный, длинный рядъ мучительныхъ мытарствъ,
Врачей и фельдшеровъ замѣнить духовенство,
Исчезнетъ всякій слѣдъ сидѣлокъ и лѣкарствъ;

Когда сокроются подъ насыпью могилы,
Какъ призракъ тягостный, какъ отлетѣвшій сонъ,
Лицо поблекшее, морщинистыя руки,
Вся некрасивая обрядность похоронъ,—

Въ девятый день по немъ, вотъ вы когда ступайте
Къ нему, къ умершему, кто для земли угасъ,—
Небытія живымъ, святымъ проникновеньемъ
Увѣковѣченный, онъ станетъ между васъ!

Небытіе — не смерть и не ничто! Не можетъ
Тотъ, кто не возникалъ, пройти въ небытіе!
Въ небытіи людей — особый обликъ жизни
И несомнѣнное безсмертіе мое!

31.

Съ высоты горы высокой,
 За рѣкой и вдоль рѣки,
 Въ темнотѣ ночной глубокой
 Видны въ избахъ огоньки;

Много ихъ... Но быстро гаснуть,
 Будто имъ горѣть не впрокъ,
 Будто малыя завѣсы
 Закрываютъ каждый въ срокъ.

Ахъ, горять и въ жизни нашей
 Огоньки отъ юныхъ дней!
 Всѣ ихъ къ сроку гасить время...
 Смотришь: больше нѣтъ огней...

Вотъ завѣшаны надежды,
 Вотъ задвинуты мечты,
 Скрылась бодрость, скрылись силы...
 Огонекъ, да гдѣ-же ты?..

Всѣ завѣсы да завѣсы;
Всѣ темнѣть... А потомъ?
Саванъ бѣлый... Тотъ завѣситъ
Человѣка — цѣликомъ.

32.

Вотъ она — великая трясина!
 Ходу нѣтъ ни въ лодкѣ, ни пѣшкомъ.
 Обмотала наши вѣсла тина, —
 Зацѣпиться нѣ за что багромъ...

Въ тростникѣ и мглисто, и туманно.
 Солнца ликъ — и свѣтель, и высокъ, —
 Отражень трясиною обманно,
 Будто онъ на дно трясины легъ.

Нѣтъ въ ней дна. Лежать въ листахъ нимфеи,
 Островки, луга болотныхъ травъ;
 Вотъ по нимъ пройтись-бы! Только феи
 Ходятъ здѣсь, травинокъ не помявъ...

Всюду утки, дупеля, бекасы!
 Бьешь по уткѣ... взялъ... нельзя достать;
 Миръ лягушекъ громко точить ласы, —
 Словно дразнить: «Для чего-жъ стрѣлять?»

Вы, кликуши, вѣщія лягушки,
Подождите: вотъ придетъ пора,—
По болотамъ мы начнемъ осушки,
Проберемъ трясину до нутра.

И тогда... Ой, братцы, осторожнѣй!
Не качайтесь... Лодку кувырнемъ!
И лягушки раньше насъ потопятъ,
Чѣмъ мы ихъ подсушивать начнемъ...

33.

Старый дубъ листвы своей лишилсѣ
И стоитъ умершій надъ межою;
Только вѣтви кажутся плечами,
А вершина мнится головою.

Пріютилъ онъ, будучи при жизни,
Сиротинку-сѣмя, что летало,
Даль ему въ корняхъ найти мѣстечко,
И оно тихонько задремало.

И вползла по дубу павилика,
Мертвый остовъ зеленю одѣла,
Разубрала листьями, цвѣтами,
Придала, какъ-будто, обликъ тѣла!

Вѣтерокъ несется надъ межою;
Павилика вѣнчики качаетъ...
Старый дубъ въ обличіи забытомъ
Оживаетъ, право—оживаетъ!

34.

При свѣтѣ трепетномъ лампы въ часъ ночной
Идутъ умершіе бесѣдовать со мной,
И въ скромномъ обществѣ мнѣ близкихъ и родныхъ
Мой духъ смиряется, и сонъ мой будетъ тихъ.

Ты, милое дитя, ты, прелесть, дочь моя,
Когда покончу срокъ земного бытія,
Ты въ часъ сомнѣнія, печали, иль любви
Меня, загробнаго, къ совѣту призови!

И я приду тогда, неслышимъ и незримъ!
Я буду пѣстуномъ внимательнымъ твоимъ;
Прохладой тихою тебя я опажу,
Нетлѣннымъ окомъ я въ тайникъ души взгляну,

Я слово ласковое шопотомъ скажу,
Стези невѣдомыя сердцу укажу
И брату моему, недремлющему Сну,
Скажу: «Смѣни меня, а я—опять усну!...»

35.

Исли-бъ все, что упадетъ
Серебра съ луны,
Все, что золота роняетъ
Солнце съ ~~выпѣйки~~ —

Ей снести... Она-бъ сказала:
«Милый мой пить,
Ты того мнѣ дай металла,
Что въ землѣ лежит!»

36.

Изъ моихъ печалей скромныхъ,
Не пышныхъ, не высокѣй,
Вы, непрошены, растете,
Пѣсенъ пестрые цвѣтки.

Ты въ спокойную минуту
На любой взгляни цвѣтокъ...
Посмотри — въ немъ много правды!
Онъ безъ слезъ взрости не могъ.

Въ этой пѣснѣ — часъ страданій,
Въ этой — долгой ночи страхъ,
Въ этихъ — мѣсяцы и годы...
Все откликнулось въ стихахъ!

Горе сердца — даръ небесный,
И цвѣты его пышные
И куда, куда душистѣй
Всѣхъ цвѣтовъ оранжерей.

37.

Воды немного, нѣсколько солей,
Снабженныхъ слабою, животной теплотою,
Зовется издавна и по-просту слезою...
Но развѣ въ томъ опредѣленъ ей?

А тихій вздохъ людской? То—груди содроганье,
Освобожденъ углекислоты?!.
Опредѣленія, мутящія сознанье
И полныя обидной пустоты!

38.

Не въ томъ бѣда, что разны состоянья,
 Что во враждѣ бѣдняга и богатъ,
 Что трудъ неравенъ, неравны призванья,
 Что есть на свѣтѣ слабый и силачъ!

Всѣ сумасшедшіе, что быстро такъ плодятся,
 Въ комъ нѣтъ ума—уходятъ вглубь больницы...
 Въ комъ сердца нѣтъ—тѣмъ радостно кататься,
 Взирать на міръ съ ихъ пышныхъ колесницъ!

Сердцеъ раздайте! Чтобъ они стучали
 Во всѣхъ грудяхъ, чтобъ имъ былъ полный счетъ,
 Чтобъ тѣ, что есть, въ конецъ не замирали,—
 Чтобъ чувствамъ былъ прямой и полный ходъ.

Съ дѣтей начните! Вотъ откуда надо
 Мѣнять судьбы, дорогу указавъ,
 А не съ параграфовъ законовъ, или ряда
 Уравновѣшеній и раздѣленій правъ.

39.

Нѣтъ никогда, никто всей правды не узнаетъ
 Позора твоего земного бытія.
 Толпа свидѣтелей съ годами вымираетъ
 И не по волѣ, нѣтъ, случайно, знаю я.

Оправдывать тебя—никто мнѣ не повѣритъ;
 Меня сообщникомъ, пожалуй, назовутъ;
 Всѣ люди про запасъ, на случай, липемѣрятъ
 Чтобъ обѣлить себя, виновныхъ выдаютъ!

Но, если глянетъ часъ послѣднихъ показаній,
 Когда все брѣнное торжественно сожгутъ
 Пожары всѣхъ міровъ и всѣхъ ихъ сочетаній,—
 Людскія совѣсти проступать и взойдутъ,

И зацѣтутъ онѣ не дерзко—торопливо,
 Не въ дикомъ ужасѣ, всей сутью трепеща;
 Нѣтъ, совѣсти людей проступать молчаливо,
 Въ глухомъ безмолвіи лишь обликомъ крича!

Тогда увидятся такія вырожденья,
Что ты—въ единственной, большой винѣ своей—
Проглянешь, въ затхлости посмертнаго цвѣтенья,
Чистѣйшей лиліей, красавицей полей.

40.

Да, да! Всю жизнь мою я жадно собиралъ,
Что было мило мнѣ! Такъ я друзей искалъ,
Такъ—памятью былыхъ, полузабытыхъ дней—
Хранилъ я множество незначащихъ вещей!
Я часто Плюшкинымъ и Гарпагономъ былъ,
Совсѣмъ ненужное старательно хранилъ.

Мнѣ думалось, что я не буду сирѣ и нагъ,
Имѣя свой родной, хоть маленькій, очагъ;
Что въ миломъ обществѣ любезныхъ мнѣ людей,
Въ живомъ свидѣтельствѣ мнѣ памятныхъ вещей
Себя, въ кругу своемъ, отъ жизни оградивъ,
Я дольше, чѣмъ я самъ, въ вещахъ останусь живъ;
И дерзко думалъ я, что мертвому вослѣдъ
Все это сберегутъ хоть на немного лѣтъ...

Что-жъ? Ежели не такъ и все въ ничто уйдетъ,
Въ томъ, видно, суть вещей! И я смотрю впередъ,
Познавъ, что жизни смыслъ и назначенье въ томъ,
Чтобъ сокрушить меня и, мнѣ вослѣдъ, мой домъ,
Что мѣста требуютъ другіе, въ жизнь скользя,
И отвоевывать себѣ свой кругъ—нельзя!

41.

Когда въ семьѣ—психически-больной,
 Вы не касайтесь даже стороной
 Болѣзни тягостной и всѣхъ ея причинъ,
 Что было поводомъ и въ чемъ ея починъ.

Шутилъ-ли дѣдъ и слѣдомъ шулки той
 Явился внукъ психически-больной;
 Родной отецъ его жилъ долго, былъ здоровъ,
 И только передалъ отъ дѣда слѣдъ грѣховъ?..

Кто знаетъ, какъ, за чей старинный счетъ
 Родился вдругъ въ семействѣ идиотъ
 И обезпечены доходности врачей
 Въ развити медленныхъ и злыхъ параличей!

А мы... Не наша-ль общая вина,
 Что та иль эта жизнь теперь темна?..
 Мы были добрыми и злыми невпопадъ
 И, подтолкнувъ съ горы, кричимъ теперь: «Назадъ!»

42.

Все чаще говорить приходится—«забылъ»,
И все яснѣе мнѣ, что я совсѣмъ «усталь»;
Все чаще слышать тѣ, съ кѣмъ говорю—«я былъ»,
И, что ни день, твержу все чаще—«я желаль».

Все рѣже сознаю, что «радость ждетъ меня»,
Совсѣмъ не говорю—«я жажду, я ищу»;
И въ слабыхъ проблескахъ темнѣющаго дня,
Оскудѣвающій, надѣюсь и молчу...

А знаете-ли вы, что ясной мысли вслѣдъ
 Идти возможно; тутъ неправды нѣтъ...
 Идешь, какъ-будто-бы на чьихъ-то помочахъ,
 И видится не то, что значится въ очахъ;
 Звучить безмолвное, звучащее—молчить,
 И окружающаго нѣтъ... Вокругъ лежитъ
 Какъ-бы дѣйствительность, міръ нашему чужой,
 Безличный въ личностяхъ, ни мертвый, ни живой...
 И боль физическая можетъ иногда
 Не чувствоваться, не давать слѣда...
 Чудесенъ путь по области идей...
 Міръ, явленный на свѣтъ въ восьмой изъ первыхъ дней!
 Ты—виѣ обязанностей, виѣ обычныхъ правъ:
 Ни добръ, ни золь, ни честенъ, ни лукавъ...

И если-бъ пуля дать отвѣтъ могла,—
 Зачѣмъ она не тутъ, а тамъ и такъ, легла,
 Зачѣмъ стремительно, безъ воли, безъ ума,
 Цѣль раздробивъ, расплюснулась сама,—

Вотъ, думается мнѣ, отвѣтъ ея простой:
«Со мною было то, что было и съ тобой!
При чемъ желанье тутъ—мое, или твое?
Я неповинна... Я—исполнила свое»...

Все чаще, что ни день, чтобы спокойнѣй быть,
Любовно я люблю за мыслью вслѣдъ бродить;
Безмѣрно вѣруя въ живую власть ума
И въ то, что будетъ свѣтъ тамъ, гдѣ витаетъ тьма...
Все отвратительно, нѣтъ правды, нѣтъ основъ;
Свободна и свѣтла лишь только жизнь умовъ!

44.

Ты не гонись за риемой своеправной
И за поэзіей,—нелѣпости онѣ;
 Я ихъ сравню съ княгиней Ярославной,
 Съ зарею плачущей на каменной стѣнѣ.

Вѣдь умеръ князь, и стѣнъ не существуетъ,
 Да и княгини нѣтъ уже давнымъ-давно;
 А все какъ-будто, бѣдная, тоскуеть,
 И отъ нея не все, не все схоронено.

Но это вздоръ, обманное созданье!
 Слова—не плоть... Изъ риемъ одеждъ не ткать!
 Слова безсильны дать существованье,
 Какъ нѣтъ въ нихъ также силъ на то, чтобъ убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
 Заря затеплилась; смотрю, стоитъ стѣна;
 На ней, я вижу, ходитъ Ярослава
 И плачетъ, бѣдная, безъ устали она.

Стони еѣ! Довольно ей пророчить!
Уйми всѣ пѣсни, всѣ! Вели имъ замолчать!
Къ чему онѣ? Чтобы людей морочить
И насъ, то здѣсь—то тамъ, тревожить и смущать!

Смерть пѣснѣ, смерть! Пускай не существуетъ!..
Вздоръ риѣмы, вздоръ стихи! Нелѣпости онѣ!..
А Ярославна всетаки тоскуеть
Въ урочный часъ на каменной стѣнѣ...

45.

Изъ сокровищницы вѣчной
Душъ людскихъ что въ нихъ дороже
Черпай ты смѣлѣй —
И толпѣ, всегда безпечной,
То, что взято изъ нея-же,
Ясно спѣть умѣй!

Всѣ поэты, безъ сомнѣнья,
Всѣ мыслители вселенной —
Длинный рядъ зеркалъ;
Въ нихъ свои-же отраженья
Сонмъ людей рукою глѣнной —
Лаврами вѣнчалъ.

46.

БЫЛЫЙ мохъ здѣсь порастаетъ
Вдоль по розовымъ пескамъ;
Любъ онъ, какъ коверъ персидскій,
Слабоногимъ старичкамъ.

Воздухъ такъ смолистъ, такъ тонокъ,
Что почтенный старичокъ,
Подышавъ имъ, замышляетъ
Въ плясъ пустить остатокъ ногъ.

Но идетъ немолчно время,
Что ни сутки—то бойчѣй,
Отравляя воздухъ чистый
Смрадомъ кухонь и печей.

Что-жь? Иначе быть не можетъ,—
Воздухъ, какъ и мы, живетъ...
Счастливъ, кто не опоздаетъ
И отъ чистыхъ струй глотнѣть.

47.

Закрыла осень всѣ пути,
Ручьи умолкшіе застыли,
Сгорѣли травы, полегли...
Онѣ недавно живы были.

Ну, памяти! Ты въ правѣ вступай
И изъ нѣмыхъ воспоминаній
Былого лѣта выдвигай
Черты живыхъ произрастаній!

Пусть въ тьмѣ рождественскихъ ночей,
Передъ духовными очами,
Мысль глянеть всходами полей,
И побѣгутъ мечты ручьями.

48.

Ни слава яркая, ни жизни мишура,
Ни кисти, ни рѣзца безсмертныя красоты,
Ни золотые дни, ни ночи серебра
Не въ силахъ иногда согнать съ души дремоты.

Но, если съ дѣтскихъ лѣтъ забывшійся напѣвъ
Коснется нежданно притупленнаго слуха,—
Даютъ вдругъ яркій цвѣтъ, чудесно уцѣлѣвъ,
Остатки прежнихъ силъ надломленнаго духа.

Совсѣмъ ребяческіе, старые тона,
Наивность словъ простыхъ, давнымъ-давно извѣстныхъ,
Зовутъ прошедшее воспрянуть ото сна,
Явиться въ обликахъ живыхъ, хоть безтѣлесныхъ.

И счастье прежнихъ дней, и яркость прежнихъ силъ,—
То именно, что въ насъ свершило все земное,
Вдругъ изъ таинственно открывшихся могилъ
Сквозь пѣсню высится: знакомое, живое...

49.

Я помню, помню прошлый годъ!
 Чуть вечеръ спустится, бывало,
 Свирѣль чудесная звучала,
 Закатъ пылавшій провожала,
 Встрѣчала розовый восходъ.

Короткой ночи текстъ любовный
 Ей вдохновеніемъ служилъ;
 Онъ такъ ласкалъ, онъ такъ плѣнилъ,
 Онъ такъ мнѣ близокъ, близокъ былъ —
 Совсѣмъ простой, немногословный.

Свирѣль замолкшая, гдѣ ты?
 Гдѣ ты, пѣвецъ мой безымянный,
 Быть-можетъ, неба гость желанный,
 Печальный здѣсь, а тамъ избранный
 Жилецъ небесной высоты?

Тебѣ не надобно свирѣли!
И что тебѣ, счастливецъ, въ ней,
Когда, вѣ зорь и вѣ ночей,
Ты понялъ смыслъ иныхъ рѣчей
И міровыя слышишь трели...

50.

Нѣтъ, никогда и никакою волей
 Алтарь поэзіи насильно не зажечь,—
 Молчать, какъ мертвые, ея святыя звуки,
 И не струится огненная рѣчь.

Зато порой, изъ мелочи, изъ вздора,
 Совсѣмъ изъ ничего, въ природѣ, иль въ мечтѣ,
 Родится невзначай едва замѣтный обликъ
 И рвется онъ къ добру и красотѣ.

И вотъ тогда, возникнувъ непонятно
 Во снѣ, на гульбищѣ, въ работѣ, что томить,—
 Незримый духъ какой-то силой тайной
 Святой огонь внезапно запалить.

Могучій вихрь подниметь въ сердцѣ пламя!
 Въ полетѣ дерзостномъ отъ тлѣнья отрѣшонъ,
 Парить свободно онъ, такъ царственно-высоко,—
 Что нѣтъ ему ни граней, ни препонъ.

Не уловить счастливаго мгновенья,
Не закрѣпить его словами,—умереть
Чистѣйшей искрѣ той, въ часъ просвѣтленья духа
Не дать огня, не вспыхнуть и не тлѣть.

51.

Во снѣ мучительномъ я долго такъ бродилъ,
Кого-то я искалъ, чего-то добивался;
Я переплылъ моря, пустыни посѣтилъ,
Въ скалахъ карабкался, на торжищахъ скитался...

И сталъ предъ дверью я открытою... За ней
Какой-то мягкій свѣтъ струился издалѣка;
Отъ створовъ падали столбы большихъ тѣней;
Ступени вверхъ вели, и, кажется, выско!

Но что за дверью тамъ, впередъ какъ ни смотри—
Не видишь... А за мной—земного міра тѣни...
Мнѣ голосъ слышался... Онъ говорилъ: «Умри!
И можешь ты тогда подняться на ступени!..»

И смѣло я пошелъ... И началъ замирать...
Ослѣпли, чуть вошелъ я въ полный свѣтъ, зѣницы,
Я иначе прозрѣлъ... Какъ? Радъ-бы передать,
Но нѣтъ пригодныхъ струнъ и нѣтъ такой цѣвницы!..

52.

Въ молчаньи осени ссыпаются листы,
Въ вѣтвяхъ являются нежданные просвѣты,—
И незамѣченные прежде силуэты,
И новыя вдали красивыя черты...

Не то-же-ль и съ душой людскою?—Вѣчно споря
Съ невзгодами судьбы, осилена тщетою,
Лишь только въ холодѣ—и немощи, и горя—
Вдругъ небывалою заблещетъ красотой!..

53.

Мощь сѣверныхъ лѣсовъ въ сугробахъ и наносахъ,
Въ прозрачной темени, одѣтой въ снѣгъ хвой,
Какъ явствуютъ въ тебѣ, въ безгласности великой,
Могучей жизненности раннія струи!

Да, только здѣсь, у насъ, гдѣ смерть лѣса объяла
На долгій, долгій срокъ, гдѣ нѣтъ иной судьбы,
Въ февральскомъ холодѣ, во мглѣ, уже замѣтенъ
Пушистый бархатецъ проснувшейся вербы!

Да, только здѣсь, въ снѣгахъ полуночнаго лѣса,
Въ объятыхъ холода и мертвой тишины
Способны оживать такъ рано насажденья
Тепла душевнаго и внутренней весны!

54.

Твой умъ силёнъ, спокоенъ, крѣпокъ
 И слишкомъ жизнью закаленъ,
 Чтобъ могъ онъ быть мечтой источенъ
 И ходомъ думъ изборожденъ.

На немъ, въ блужданьяхъ осѣдая,
 Смыслъ отвлеченнѣйшихъ началъ,
 Ложится поверху узоромъ,
 Но въ глубину не проникалъ;

Когда-бы иначе—давно-бы
 Свою ты пѣсенку пропѣлъ,
 И за рѣшеткой, подъ призоромъ,
 Въ исканьи истины сидѣлъ!

Давно-бы ты, умалишенный,
 Имѣлъ свой номеръ на листѣ—
 Безсильный, но не побѣжденный,
 Въ путяхъ къ добру и красотѣ!

55.

Кому-же хочется въ потомство перейти
 Въ обличьи старика! Слѣдами разрушеній
 Помѣчены въ лицѣ особые пути
 Излишествъ и нужды, довольства и лишеній.
 Я старъ, я некрасивъ... Да, да! Но, Боже мой,
 Вѣдь это-же не я!.. Нѣтъ, въ обликѣ особомъ,
 Несокрушаемомъ ни временемъ, ни гробомъ,
 Который нѣкогда я признавалъ за свой,
 Хотѣлось-бы мнѣ жить на памяти людской!
 И кто-жъ бы не хотѣлъ? Особыми чертами
 Мы обрисуемся на множество ладовъ—
 Въ разсказахъ тѣхъ дѣтей, что будутъ стариками,
 Въ запискахъ, въ очеркахъ, за длинный рядъ годовъ.

И ты, красавица, не названная мною,—
 Я много, много разъ писалъ твои черты,—
 Когда послѣдній часъ ударитъ надъ землею,

Съ умершихъ сдвинутся и плиты, и кресты,—
Ты, какъ и я, проявишься неожиданно,
Но не старухою, а на зарѣ годовъ...
Нелѣпымъ было-бы и безконечно странно—
Селить въ загробный міръ старухъ и стариковъ.

56.

Сказалъ бы я такъ много, много;
Но не успѣю,—срокъ мнѣ данъ!
Коротокъ день, узка дорога
И такъ громаденъ караванъ...

Оставить многое придется...
А жаль!.. Хорошая есть кладь...
Не всѣмъ на свѣтѣ удаётся
Все,—что хотѣлъ-бы кто,—сказать...

Вотъ отчего краснорѣчивы
Молчанья кладбища!.. Невпопадъ,
Не въ срокъ засѣянные нивы,—
Онѣ, подъ спудомъ дней молчать.

Но изъ безмолвнаго общенья
Жильца земли съ жильцомъ могилъ
Не разъ шли первыя движенья
Неудержимо мощныхъ силъ...

57.

Когда-то, подлѣ Вавилона,
 Дерзнули башню воздвигать,
 Чтобъ жить внѣ Божьяго закона
 И волнъ потопа избѣжать.

И башни нѣтъ! Весь слѣдъ развѣянъ;
 Богъ перепуталъ языки...
 Былъ человѣкъ самонадѣянъ:
 Гдѣ жизнь цвѣла—лежатъ пески...

Теперь смѣшались не языки,
 Нѣтъ, сбились помыслы людей—
 Одни другимъ невняты, дики...
 И обезпеченъ ростъ степей.

58.

Какъ въ рубинахъ яркихъ—вкругъ кусты малины;
 Листъ смородинъ черныхъ весь благоухаетъ;
 Въ тепломъ блескѣ солнца съ бархатной низины
 Молодежи говоръ звучно долетаетъ.

Почему-то,—право, я совсѣмъ не знаю,—
 Сцену вдругъ изъ Гёте вижу предъ глазами!
 Праздникъ, по веселью въ людяхъ, замѣчаю!
 Молодежь гуляетъ... въ парочкахъ... толпами...

Въ юности счастливой смѣхъ причинъ не ищетъ...
 Кончена обѣдня, церкви дверь закрыта,—
 Вижу, ясно вижу: черный пудель рыщетъ...
 Это—Мефистофель? Гдѣ-же Маргарита?

Юность золотая, если-бы ты знала,
 Что невозвратно волшебство минуты,
 Что въ твоёмъ грядущемъ радостей такъ мало,
 Что въ конецъ осиять долгой жизни пути,—

Ты была-бъ спокойнѣй... Можно-ль такъ смѣяться,
Возбуждая зависть старшихъ поколѣній!
Берегла-бъ ты силы,—очень пригодятся,
Чуть настанутъ годы правды и сравненій...

59.

Надъ осокѣй вольный вѣтеръ пролетаетъ,
 Говорить ей: «Отчего, скажи, осока,
 Твой народъ себя совсѣмъ не уважаетъ,
 Предо мной всегда склоняется глубоко?»

«Чуть подую, вижу: ты ужъ и пригнулась...
 Дуль я съ сѣвера, подумалъ: дуну съ юга,—
 Можетъ статья, помогу, чтобъ встрепелась;
 Раболѣпствуетъ, быть-можетъ, отъ испуга!

«Нѣтъ, куда! Легла къ водѣ съ другого бока;
 Не-въ-догадъ тебѣ мое благодѣянье...
 Ахъ, ты глупая, ты глупая осока,
 Ты безпомощное, жалкое созданье!»

Слушала осока, глубоко вздохнула,
 Отвѣчаетъ вѣтру: «Вѣтеръ-благодѣтель,
 Буде ваша милость вовсе-бы не дула,
 Я росла-бы прямо, стройно! Богъ—свидѣтель,

«Что моихъ низжайшихъ, вѣчныхъ поклоненій
Не было-бы вовсе у меня въ заводѣ;
Я стояла-бъ выше всякихъ тревоженій—
Съ уваженьемъ къ правдѣ и къ своей породѣ!»

60.

Полдень прекрасенъ. Въ лазури
Малаго облачка нѣтъ,
Даже и тѣни прозрачны,—
Такъ удивителенъ свѣтъ!

Вѣтеръ тихонько шевѣлитъ
Листьевъ подвижную сѣть,
Топчется, будто, на мѣстѣ,
Мыслить: куда полетѣть?

Онъ, направленья мѣняя,
Думаетъ думу свою:
Шкваломъ-ли мнѣ разразиться,
Или предаться нытью?

61.

На конѣ брабантскомъ плотномъ
 И въ малиновой венгеркѣ —
 Часто видѣлъ я дѣвицу
 У отца на табакеркѣ.

Съ пестрой свитой на охотѣ
 Чудной маленькой фигурой
 Рисовалася дѣвица
 На эмали миньатюрой.

Табакерку заводили
 И пружинку нажимали,
 И охотники трубили,
 И собакъ со своръ спускали.

Лѣсъ былъ живъ на табакеркѣ;
 А дѣвица все скакала
 И меня бѣжать за нею
 Чуднымъ взглядомъ приглашала.

И готовъ я былъ умчаться
 Вслѣдъ за нею — полонъ силы —
 Хоть по небу, хоть по морю,
 Хоть сквозь вѣчный мракъ могилы...

А теперь вотъ здѣсь, недавно, —
 Полстолѣтья миновало, —
 Я опять дѣвицу видѣлъ,
 Какъ въ лѣсу она скакала.

И за ней, какъ тощій призракъ,
 Съ котелкомъ надъ головою
 Истязался на лошади
 Баринъ, свѣсясь надъ лукою.

Я, дѣвицу увидавши,
 Вслѣдъ ей бѣшено рванулся,
 Вспыхнувъ злобою и местию...
 Но, едва вскочилъ, запнулся...

Да, не шутка полстолѣтья...
 Есть всему границы, мѣрки...
 Пусть ихъ скачутъ котелочки
 За дѣвицей съ табакерки!..

62.

Право, не больше чѣмъ въ полчаса времени
Горы и лѣсъ очутились въ снѣгахъ, — —
Будто-бы все населилось маркизами
Въ пудрѣ, въ косичкахъ, въ большихъ парикахъ.

Что было въ осень поломано, выжжено,
Садъ, что мѣстами раскопанъ и взрытъ,
Даже кусты и деревья умершіе
Всѣ поюнѣли и бодры на видъ.

Славное время маркизовъ! Подъ пудрою,
Подъ париками — скрывались года,
Всѣ были юны... Толкуютъ, что, будто-бы,
Модамъ — судьба воскресать иногда...

Ты любишь его всей душою,
 И вамъ такъ легко, такъ свѣтло...
 Зачѣмъ-же упрямствомъ, порою,
 Свое ты туманишь чело?

Зачѣмъ безпричинно, всечасно
 Ты радости портишь сама
 И доброе сердце напрасно
 Смущаешь злорадствомъ ума?

Довольствуйся тѣмъ, что возможно!
 Повѣрь: вамъ довольно всего,
 Чтобъ, тихо живя, нетревожно
 Не ждать, не желать ничего...

~~~~~

64.

Нѣтъ, верба, ты опоздала,
Только къ марту цвѣтъ дала,—
Знай, моя душа сызмала,
Впечатлительнѣй была!

Гдѣ-же съ ней идти въ сравненье!
Не спросясь календаря,
Я весны возникновенье
Ясно слышу съ января!
День подросъ и сталъ длиннѣе...
Ледъ скололи въ кабаны...
Снѣгъ глубоокъ, но сталъ рыхлѣе...
Плачутъ крыши съ вышины...
Пишутъ къ праздникамъ награды...
Нѣтъ, верба, повѣрь мнѣ, нѣтъ:
Вешнимъ днямъ мы раньше рады,
Чѣмъ пускаешь ты свой цвѣтъ!

65.

Гуляя въ сѣннѣхъ заката,
 Чуть видную тѣнь я кидалъ,
 А мѣсяцъ — въ блистаніи злата —
 Навстрѣчу ко мнѣ выплывалъ.

Съ двухъ разныхъ сторонъ освѣщаемъ,
 Я думалъ, что былъ окруженъ
 Тѣмъ міромъ, что нами не знаемъ,
 Гдѣ нѣтъ ни преградъ, ни сторонъ!

Подъ теплою, мягкой чернью
 Въ листьѣхъ опочившихъ вѣтвей,
 Сіяла роса мелкой зернью
 Недвижныхъ, холодныхъ огней.

Мнѣ вспомнились чувства бываыя:
 Поль-вѣвка назадъ я любилъ
 И два очертанья живыя
 Въ одномъ моемъ сердцѣ носилъ.

Стоцвѣтныя чувства свѣтились,
И былъ я блаженствомъ богатъ...
По двое во мнѣ не мирились.
И мѣсяцъ погасъ, и закатъ!

66.

Условно все. Когда темнѣть
 Рѣка и льдины такъ черны,—
 Не трауръ въ этомъ! Сердце млѣть
 Въ сознаньи близости весны.

Когда навстрѣчу разрушенью
 Холодный трупъ позеленѣлъ,—
 То тутъ не вызовъ къ возрожденью,
 А смерти бѣдственный удѣлъ.

А если пурпурною краской
 Пылаютъ щеки, плечи, грудь,—
 Врачъ говорить, взглянувъ съ опаской:
 «Болѣзнь смертельна... Будь что будь!»

А взрывъ чудовищнаго смѣха,
 И блескъ веселья по лицу—
 Порой предсмертная потѣха
 Безумца, близкаго къ концу...

Слеза, питомица печали,
Безмолвный гость тоски глухой...
Скажите: развѣ не видали,
Какъ плачутъ съ радости порой?

Условно все! Въ путяхъ скитаній
Земныхъ—условностей не счесть,
Не вѣрь въ значенье предсказаній
И признавай лишь то, что есть.

67.

Нѣтъ, не отъ всѣхъ предубѣжденій
Я и понынѣ отрѣшенъ!
Но все свободнѣй сердца геній
Отъ всѣхъ обвязокъ и пелёнъ.

Блѣднѣетъ всякая условность,
Мельчаетъ смыслъ въ любой борьбѣ...
Въ душѣ великая готовность
Свободной быть самой въ себѣ;

И въ этой правдѣ—не слащавость,
Не праздный звукъ красивыхъ словъ.
А вольной мысли величавость
Подъ лязгомъ всѣхъ земныхъ оковъ...

68.

Любо мнѣ, чуть съ вечерней зарей
Солнце, ликъ свой къ землѣ приближая,
Взгляды искося въ рощу бросая,
Сыплеть въ корни свой свѣтъ золотой;

Багрянистой парчой одѣваетъ
Листьевъ матовый, блѣдный исподъ...
Это—очень не часто бываетъ,
И вечернее солнце—не ждать.

69.

Мой прудъ, онъ съ утра разрисованъ,
На немъ арабески, штрихи;
Онъ весь покраснѣлъ и алѣетъ
Въ опавшихъ сережкахъ ольхи.

Давно-ли въ оттаявшихъ льдинахъ
Глядѣлъ онъ такъ скучно, мертво!
Теперь и безъ вѣтра онъ дышетъ...
То рыбки колеблютъ его.

70.

Помню: какъ-то разъ мнѣ снился
 Генрихъ Гейне на балу;
 Разливалось веселье
По всему его челу...

Говорилъ онъ дамѣ:—«Дама,
 Я прошу на польку васъ!
 Балъ блестящъ! Но вы такъ блѣдны,
 Взглядъ вашъ, будто-бы, погасъ!

— Ахъ, простите!—я припомнилъ:
 Двадцать лѣтъ, какъ вы мертвы!
 Обращусь къ сосѣдѣ вашей:
 Вальсъ со мной идете-ль вы?

— Боже мой! И тутъ ошибка!
 Десять лѣтъ тому назадъ,
 Помню, васъ мы хоронили;
 Устарѣлъ на васъ нарядъ.

— Ну, такъ къ третьей... На мазурку!—
Ясно вамъ: кто я такой?»

— Какъ-же, вы—вы Генрихъ Гейне:
Вы скончались вслѣдъ за мной...

И неслись они по залѣ...
Шуменъ, весель былъ салонъ...
Какъ, однако, милы пляски
Перешедшихъ Рубиконъ!..

71.

Съ какимъ глубокимъ уваженьемъ
 Стою подъ этимъ склепомъ я:
 Тутъ длинный рядъ почившихъ предковъ
 Хранить нѣмецкая семья.

О! Если-бъ только люди знали,
 Какой счастливый въ томъ залогъ,
 Чтобъ не разбрасывать имъ мертвыхъ,
 Чтобъ ихъ живой замѣтить могъ,—

Чтобъ приближаться къ нимъ порою
 И въ ихъ покоѣ отдыхать,
 Искать молитвы, иль молиться,
 И знать, гдѣ намъ самимъ лежать.

Вотъ хоть-бы тутъ! Вполнѣ здоровый.
 Живой сознаньемъ бодрыхъ силъ,
 Вѣдь я, совсѣмъ помимо воли,
 Охваченъ жизнію могиль.

Я слышу ясно, какъ тихонько
Въ душѣ моей, сквозь ихъ покой,
Родится въ чувствѣ уваженья
Хорошихъ чувствъ счастливый строй...

72.

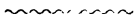
Могучей силою богаты
 За долгій, тяжкій зимній срокъ,
 Набухли почки, красноваты,
 И зарумянился лѣсокъ.

А на горахъ замѣтны всходы,
 Покровы травокъ молодыхъ,
 И въ нихъ—красивые разводы
 Веснянокъ нѣжно-голубыхъ.

Плыву на лодкѣ. Разбиваю
 Весломъ остатки рыхлыхъ льдовъ,
 И къ нимъ я злобу ощущаю—
 Къ слѣдамъ подтаявшихъ оковъ.

И льдины бьются и ныряютъ,
 Мѣшають весламъ, въ дно стучать;
 Подводный хоръ! Онѣ пугаютъ,
 Остановить меня хотятъ!

А я весь—блескъ! Я весь—спокоенъ...
Но одинокъ, какъ-будто, я...
Одинъ я въ полѣ—и не воинъ...
Мнѣ нужно пѣсню соловья!

73.

Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ,
 Везувій мнѣ въ глаза дымилъ,
 Я вдоль по тундрѣ Безземельной—
 Везомъ оленями—скользить.

Я слышалъ много водопадовъ
 Различныхъ силъ и вышины,
 Ревъ мѣдныхъ трубъ въ калмыцкой степи.
 Въ Байдарахъ—тихий звукъ зурны.

Я посѣтилъ въ лѣсахъ Урала
 Потемки страшныхъ рудниковъ,
 Бродилъ вдоль щелей и проваловъ
 По льдамъ Швейцарскихъ ледниковъ.

Я рѣзалъ трупы съ анатомомъ,
 Въ наукахъ много зналъ свѣтилъ,
 Я испыталъ въ моряхъ крушенье,
 Я дни въ вертепахъ проводить...

Я говорилъ порой съ царями;
 Глубоко падалъ и вставалъ;
 Я Богу пламенно молился,
 Я Бога страстно отрицалъ;

Я зналъ нужду, я зналъ довольство,—
 Любилъ, страдалъ, взростилъ семью
 И— не скажу, чтобы безъ страха—
 Порой встрѣчалъ и смерть свою.

Я видѣлъ варварскія казни,
 Я видѣлъ ужасы труда;
 Я никого не ненавидѣлъ,
 Но презиралъ—почти всегда.

И вотъ теперь, на склонѣ жизни,
 Могу порой совѣтъ подать:
 Какъ меньше пользоваться счастьемъ,
 Чтобъ легче и быстрѣй страдать.

Здѣсь изъ бревенчатаго сруба,
 Въ пескахъ и соснахъ «Уголка»,
 Гдѣ мирно такъ шумитъ Нарова,
 Задача честнымъ быть легка.

Ничто, ничто мнѣ не указка,—
 Я не ношу веригъ земли...
 Съ моихъ высокихъ кругозоровъ
 Все принижается вдали.

74.

Порою между насъ пророки возникаютъ,
 Совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ думаете вы,
 Ихъ въ этотъ міръ вѣщать не степи посылають,
 Сіянье не блещитъ съ избранной головы.

Нѣтъ въ наши дни у насъ пророковъ по призванью,
 Имъ каждый можетъ быть,—пустыня не при чемъ;
 Вдругъ замѣчается—въ противность ожиданью—
 Огонь, свѣтящійся на томъ или другомъ.

Ничтожнѣйшій изъ насъ въ минуту ту, иль въ эту,
 Пророкомъ можетъ быть; случайно онъ постигъ
 Большую истину, и онъ вѣщаетъ свѣту...
 Знать, огненный къ нему съ небесъ сошелъ языкъ.

И скажетъ онъ свое, и быстро замолкаетъ,
 И, бѣдный, можетъ-быть всю жизнь свою прождетъ:
 Вотъ, вотъ сойдетъ языкъ, вновь пламя заиграетъ...
 И, въ ожиданіи, онъ, чающій, умретъ...

75.

Великъ запасъ событій разныхъ
И въ настоящемъ, и въ быломъ;
Историкъ въ лѣтописяхъ связанныхъ
Живописуетъ ихъ перомъ.

Не меньше ихъ необозримы
Природы дивныя черты,
Онѣ поэтомъ уловимы
При свѣтѣ творческой мечты.

Но больше, больше безъ сравненья,
Пестрѣе тѣхъ, живѣй другихъ
Людского духа воплощенья
И бытія сердець людскихъ.

Онѣ—причина всѣхъ событій,
Онѣ—природы мысль и взглядъ,
Въ нихъ ткань судебъ—съ основой нитей
Гнилыхъ и ветхихъ заурядъ...

76.

Разъ одинъ изъ фараоновъ
Скромный домъ мой посѣтилъ;
Онъ, входя, косякъ у двери
Длиннымъ схентомъ зацѣпилъ.

Безподобная фигура!
Весь величественно—грубъ,
Поражалъ онъ яркимъ цвѣтомъ
Красной краски страстныхъ губъ.

Хрустнулъ стулъ, чуть онъ усѣлся;
Разговоръ у насъ пошелъ
На различные предметы:
Какъ онъ съ Гиксомъ войны велъ,

Какъ онъ взысканъ былъ богами,
Какъ онъ миловалъ, казнилъ,
Какъ плотинами хотѣлъ онъ
Укротить священный Ниль,

Какъ любилъ онъ страстно женщинъ... •
Чтобъ свободнѣй говорить,
Попросилъ меня онъ двери
Поплотнѣе затворить.

И пошелъ онъ, и пошелъ онъ...
Ощушаю въ сердцѣ страхъ
Повторять все то, что слышалъ
При затворенныхъ дверяхъ.

Удивительное сходство
Съ нами!... Та-же все канва:
Изъ временъ «Декамерона»
И дѣянья, и слова!

77.

Помню: я дерево въ землю сажалъ;
Птичій концертъ по кустамъ грохоталъ!
Ежели листья теперь такъ шумять,
Это—тѣ пѣсни опять голосають.

Въ чуткую, смутную душу твою,—
Чуть только пѣсню свою запою,—
Мысли о счастья, какъ зерна, кладу...
Каждое шепчетъ: «Въ свой срокъ я взойду!»

78,

Вѣтеръ несется могучій...
Груди такой не сыскать!
Мѣста ей надо—сломаетъ
Все, что придется сломать!

Сѣсны навстрѣчу! Недвижны
Розовой грудью стволы...
Знать: грудь на грудь! Такъ и нужно!
Въ мірѣ обычай таковъ...

Кто-то въ той свалкѣ уступить?
Спрячься за камни: не трусъ!
Можетъ-быть, камни придушатъ,
Сгинешь... а я сохранюсь!

79.

Качается лодка на цѣпи,
Привязана крѣпко она,
Чуть движеть на привязи вѣтеръ,
Чуть слышно колышетъ волна.

Охъ, хочется лодкѣ на волю,
На волю, въ невѣдомый путь,
И свернутый парусъ расправить,
И выставить на-вѣтеръ груди!

Но цѣпь и крѣпка, и не ржава,
И, если судьба поведить—
Поплыть, то не цѣпь оборвется,
А треснувшій бортъ отлетитъ.

80.

Сказочку слушаю я,
 Сказочка—радость моя!
 Сколько ужъ, сколько вѣковъ
 Тканями этихъ-же словъ
 Ночи въ таинственный часъ
 Дѣтскихъ сомкнулося глазъ!
 Жизнь наша, сказки быстрѣй,
 Насъ обращаетъ въ дѣтей.

Слышу о зломъ колдунѣ...
 Вотъ онъ—въ лѣсу при огнѣ...
 Чудная фея добра
 Блещетъ въ лучахъ серебра...
 Множество замысловъ злыхъ,—
 Фея разрушила ихъ...
 И колдуна больше нѣтъ!
 Только и въ ней меркнетъ свѣтъ...

Лѣсъ, что куда-то пропаль,
Вдругъ очарованный, всталъ...
Вотъ и колдунъ на печѣ...
Сказка! Молчи-же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей...

81.

Нынче годъ цвѣтеня сосенъ:
Всѣ покрылись сѣдиной,
И побѣги, будто свѣчи,
Щеголяютъ прямизной;

Что ни вѣтка—проступаетъ
Воска блѣднаго свѣча...
Вотъ-бы ихъ зажечь! Любая
Засвѣтила-бъ—горяча!

Сколько, сколько ихъ по лѣсу;
Цвѣтень пылью поронить!
Только кто, чуть ночь настанетъ,
Эти свѣчи запалить?

Низлетятъ-ли гости съ неба
Часъ молитвы озарить?
Иль колдуньи вздуютъ пламя
Въ дикой оргіи свѣтить...

Все равно! Но только-бъ свѣта,
Свѣта мнѣ—со всѣхъ вѣтвей!
Только-бъ что-нибудь поярче,
Что-нибудь—повеселѣй!

82.

Припая льда все море обрамляют;
Вдали видны буранъ и толчей,
Но громы ихъ ко мнѣ не долетаютъ,
И ясно слышу я, что говорить хвой.

Та рѣчь важна, та рѣчь однообразна,—
Едва колеблетъ длинный рядъ стволовъ,
Въ своемъ теченіи величава, связна
И даже явственна, хотъ говорить безъ словъ.

Въ ней не замѣтно знаковъ препинаній,
Въ ней все одно, великое одно!
Въ живыхъ струяхъ безсчетныхъ колебаній
Поетъ гигантское, какъ міръ, веретено.

И убаюканъ лаской и любовью,
Не слыша стоновъ плачущей волны,
Я, какъ дитя, склоняюсь къ изголовью,
Чтобъ отойти туда, гдѣ обитаютъ сны.

83.

Въ древней Греціи бывали
Состязанья красоты;
Старики въ нихъ засѣдали,
Старини—какъ я да ты.

Дочь твоя—прямое диво,
Проблескъ розовой зари;
Все въ ней правда, все красиво...
Только—ей не говори.

Запахъ мирры благовонной,
 Сладкій шепотъ тишины,
 Лепетъ струйки полусонной
 Въ освѣщеніи луны;

Голосъ арфы, трель свирѣли,
 Шумъ порханья мотыльковъ,
 Иль во дни Святой недѣли
 Дальній звонъ колоколовъ...

Вотъ тѣ тонкія основы,
На которыхъ, можетъ-быть,
Можно было-бъ ткать покровы —
Красоту ея прикрыть.

84.

Его портретъ лѣтъ тридцать только
 Тому назадъ—былъ всѣмъ знакомъ!
 Блестящій умъ, значенье въ людяхъ,
 Успѣхъ въ дѣлахъ, богатый домъ...

Теперь нещадно затерялось
 Былое пестрое его,
 И—быстро, быстро тьмой покрыто—
 Оно безслѣдно и мертво!

И только здѣсь!.. Случайно какъ-то,
 Забавой нѣсколькихъ минутъ,
 Ничтожный даръ его богатства
 Былъ кинуть имъ—возникъ пріютъ...

Въ немъ, со стѣны, еще глядитъ онъ,
 И имя здѣсь сохранено...
 И въ страшный часъ,—о, да, безспорно,—
 Свой ясный откликъ дастъ оно...

85.

Совсѣмъ примѣрная семья!
Порядокъ, миръ... Чѣмъ не отрада?
Но отчего вдругъ вспомнилъ я
Страничку изъ судебъ Царьграда:

По лику мертваго царя
Гуляютъ кистью богомазы,
И сурикъ, на щекахъ горя,
Румянить крупные алмазы;

Наведена улыбка губъ,
Заштукатурены морщины...
А все-же это—только трупъ
И лицевая часть картины!

86.

Какъ ты чиста въ покоѣ ясномъ,
 Въ тебѣ понятя даже нѣтъ
 О лживомъ, злобномъ или страстномъ,
 Чѣмъ такъ тревоженъ бѣлый свѣтъ!

Какъ ты глупа! Какой равниной
 Раскинуть міръ души твоей,
 На ней вершинки—ни единой,
 И нѣтъ ни звуковъ, ни тѣней...

87.

Вы побѣлѣли, кладбища граниты;
Ночная оттепель тепломъ дохнула въ васъ;
Какъ пудрой бѣлою, вы инеемъ покрыты
И бѣлымъ мраморомъ глядите въ этотъ часъ.

Другая пудра и другія силы
Подъ мраморъ красятъ кудри на челѣ...
Ужъ не признать-ли теплыми могилы
Въ сравненьи съ жизнью въ холодѣ и мглѣ?

88.

Вотъ съ крыши первые потѣки
 При наступленіи весны!
 Они—что писанныя строки
 Въ снѣгахъ великой бѣлизны.

Въ нихъ начинаютъ проявляться
 Весенней юности черты,
 Которымъ быстро развиваться
 Въ теплѣ и въ царствѣ красоты.

Въ нихъ—пробужденіе подъ спудомъ
 Еще не явленныхъ мощей,
 Что день—то будетъ новымъ чудомъ
 За чудодѣйствіемъ ночей.

Всѣ струйки маленькихъ потѣковъ—
 Безумцы и бунтовщики,
 Онѣ замерзнуть у истоковъ,
 Не добѣжать имъ до рѣки...

Но скоро, скоро дни настанутъ,
Освобожденные отъ тьмы!
Тогда бунтовщиками станутъ
Слѣды осиленной зимы;

Послѣдней вьюги злые стоны,
Послѣдній ледъ... А по полямъ
Побѣдно глянуть анемоны,
Всѣ въ серебрѣ—на зло снѣгамъ.

89.

Мои мечты—что лѣсъ дремучій,
 Внѣ климатическихъ преградъ,
 Въ немъ—пальмы, ели, тернъ колючій,
 Исландскій мохъ и виноградъ.

Лѣсъ полнъ кикиморъ рѣзвыхъ шутокъ,
 Въ немъ лѣпшій вкривъ и вкось ведетъ;
 Въ немъ есть всѣ измѣненія сутокъ
 И годовой круговоротъ.

Но нѣтъ у нихъ чередованья,
 Законы путаются зря:
 Вдругъ въ полдень—мѣсяца мерцанье,
 А въ полночь—яркая заря!

~~~~~

90.

Мысли погасшія, чувства забытыя—
 Муміи бѣдной моей головы,
 Въ бѣлые саваны смерти повитыя,
 Можетъ-быть, вовсе не умерли вы?
 Жизни былой молчаливыя муміи,
 Время Египта въ прошедшемъ моемъ,
 Здравствуйте, спящія въ тихомъ раздуміи!
 Къ вамъ я явился свѣтить фонаремъ.
 Вижу... какъ, вглубь пирамиды положены,
 Всѣ вы такъ тихи, такъ кротки теперь;
 Складки на васъ шевельнулись, встревожены
 Вѣтромъ, пахнувшимъ въ открытую дверь.
 Всѣ вы взглянули на гостя неожиданнаго!
 Слушайте, муміи, дайте отвѣтъ:
 Если-бы жить вамъ случилось за-ново—
 Иначе жили-бы вы? Да, иль нѣтъ?
 Нѣтъ мнѣ отвѣта! Безмолвны свидѣтели...

Да и къ чему на вопросъ отвѣчать?
Если-бъ и вправду онѣ мнѣ отвѣтили—
Что-жъ бы я сдѣлалъ, чтобъ снова начать?
Въ праздномъ, смѣшномъ любопытствѣ назрѣвшіе,
Странны вопросы людскіе порой...
Вотъ отчего до конца поумнѣвшія
Муміи—дружно молчатъ предо мной!
Блещетъ фонарь надъ безмолвными плитами...
Все, что я чую вокругъ—забытьё!
Сводъ потемнѣлъ и обросъ сталактитами...
Въ нихъ каменѣетъ и сердце мое...

91.

О, будь въ сознаніѣ правды смѣль...
Ни ширмъ, ни завѣсей не надо...
Какъ волны дантовскаго ада
Полны страданій скорбныхъ тѣлъ,—
Такъ и у насъ своя картина...
Но только нѣтъ въ ней красоты:
Людей заткала паутина...
Въ ней бьются всѣ—и я, и ты... 4

92.

Ты подарилъ мнѣ лучшую изъ книгъ—
Евангеліе! Но миновали годы,
Коснулись книги всякія невзгоды,
Я добылъ новую. И снова ты возникъ,
Ты—подарившій первую когда-то...
Давно ты умеръ; все забвеньемъ взято,
Но въ памяти моей, для сердца, для меня
Ты живъ въ сіяніи таинственнаго дня!
Такихъ таинственностей въ мірѣ духа много,
И въ каждой видится какая-то дорога...
Умру и я въ свой срокъ. Но, можетъ, этотъ стихъ,
Безъ самопомощи, безъ воли, безъ отваги,
Проживъ годъ на лоскутѣхъ бумаги,
Дойдетъ до новыхъ дней и до людей иныхъ...
Безсмертье будетъ въ томъ,—безъ имени, конечно...
Однако можетъ быть, что за могилой, тамъ,
Не будетъ смысла личнымъ именамъ,
Но каждый будетъ жить собой и безконечно...

93.

Какое дѣло имъ до горя моего?
Свои у нихъ, свои томленья и печали!
И что имъ до меня и что имъ до него?..
Они, повѣрьте мнѣ, и безъ того устали.
А что за дѣло мнѣ до всѣхъ печалей ихъ?
Пускай имъ тяжело, томительно и больно...
Мѣнять грузъ одного на грузъ десятерыхъ,
Конечно,—не рассчитать, хотя и сердобольно.

94.

Всюду ходятъ привидѣнья...
 Появляются и тутъ;
 Только всѣ они въ доспѣхахъ,
 Въ шлемахъ, въ панцыряхъ снуютъ.

Было время,—вдоль по взморью
 Шедшимъ съ запада сюда
 Грознымъ рыцарямъ Нарова
 Преградила путь тогда.

«Дочка я рѣки Великой,—
 Такъ подумала рѣка,—
 Не спугнуть-ли мнѣ пришельцевъ,
 Не помять-ли имъ бока?»

«Стойте, братцы,—говорить имъ,—
 Чуть впередъ пойдете вы,
 Глянетъ къ вамъ сквозь льды и вьюги,
 Страшный ликъ царя Москвы!

«Онъ, схизматикъ—за стѣнами!
 Сотни, тысячи звонницъ
 Вкругъ гудятъ колоколами,
 А народъ весь прахомъ—ницъ!

«У него-ль—не изувѣрства,
 Всякой нѣчисти просторъ;
 И повсюдный вѣчный голодъ,
 И всегдашній страшный моръ.

«Не ходите!» Но пришельцамъ
 Мудрый былъ не впрокъ совѣтъ...
 Шли до Яма и Копорья,
 Видать—точно, ходу нѣтъ!

Все какія-то видѣнья!
 Изъ трясинъ лѣсовики
 Насѣдаютъ, будто черти,
 Лѣзутъ на смерть, чудаки!

Какъ подъ Дурбѣномъ эстонцы
 Не сдаются въ плѣнъ живьемъ
 И, совсѣмъ не по уставамъ,
 Варомъ льютъ и кипяткомъ.

«Лучше сѣсть намъ надъ Наровой,
 На границѣ вьюгъ и пургъ'»
 Съли и прозвали замки—
 Магербургъ и Гунгербургъ.

Съ тѣмъ прозвали, чтобы внуки
Вновь не вздумали идти
Къ худобѣ и къ голодању
Вдоль по этому пути.

Старыхъ рыцарей видѣнья
Ходятъ здѣсь и до сихъ поръ,
Но для легкости хсжденья—
Ходятъ всѣ они безъ шпоръ...

95.

Вдоль Наровы ходять волны;
Противъ солнца—огоньки!
Волны будто что-то пишутъ,
Набѣгая на пески.

Тянемъ тоню; грузенъ неводъ;
Онъ по дну у насъ идетъ
И захватить все, что встрѣтитъ,
И съ собою принесетъ.

Тянемъ, тянемъ... Что-то будетъ?
Окунь, щука, сигъ, лосось?
Иль щепà одна да травы,—
Незадача, значить, брось!

Ближе, ближе... Замѣчаемъ:
Что-то грузное въ мотнѣ;
Какъ барахтается, бьется,
Какъ мутить песокъ на днѣ.

Вотъ всплеснула, разметала
Воду; всѣхъ насъ облила!
Моря синяго царица
Въ нашемъ неводѣ была:

Засверкала чешуею
И короной золотой,
И на насъ на всѣхъ взглянула
Жемчугомъ и бирюзой!

Всѣ видали, всѣ слышали!
Всѣ до самыхъ пять мокрѣ...
Если-бъ взяли мы царицу,
То-то-бъ шли у насъ пиры!

Значить, сами виноваты,
Недогадливый народъ!
Поворачивайте вѣроть,—
Тоня новая идетъ...

И—какъ тоня вслѣдъ за тоней—
За мечтой идетъ мечта;
Хороша порой добыча
И богата—да не та!..

По берегамъ рѣки холодной,—
Ей скоро на зиму застыть,—
Въ глубокихъ сумеркахъ, наносныхъ
Тончайшихъ льдинъ не отличить.

Вдругъ—снѣгъ. Мгновенно забѣлѣла
Стремнина тамъ, гдѣ ледъ стоялъ,
И бѣлымъ кружевомъ по черни
Снѣгъ берега разрисовалъ.

Не такъ-ли въ людяхъ? Сердцемъ добрымъ
Они, какъ-будто, хороши...
Вдругъ случай—и мгновенно глянетъ
Весь грустный трауръ ихъ души...

Стою я съ ужасомъ у гроба!
 Безумье многихъ лѣтъ навѣкъ
 Въ немъ успокоилось, и можно
 Сказать опять: «Се человѣкъ!»

Сынъ подлѣ гроба! Сколько сходства
 Въ лицѣ! Читаю ясно въ немъ:
 «Скорѣй-бы кончить съ погребеньемъ
 И пиръ задать, провѣтривъ домъ!...»

Какая ночь убійственная, злая!
Бушуетъ вѣтеръ, въ окна градъ стучить;
И тьма вокругъ надвинулась такая,
Что въ ней фонарь едва - едва блеститъ.

А ночь порой красотою богата!
Да, гдѣ-нибудь нѣтъ вовсе темноты,
Есть блескъ луны, есть прелести заката
И полный ходъ всѣмъ чаяньямъ мечты.

Тьма — не вездѣ. Здѣсь чья-то злая чара!
Ее согнать, повѣрь, подѣ силу мнѣ:
Готовы струны, ждетъ моя гитара,
Я пѣть начну о звѣздахъ, о лунѣ.

Онѣ всплывутъ. Мы озаримся ими —
Чѣмъ гуще тьма, тѣмъ будетъ пѣснь яснѣй,
И въ градъ, и въ вихрь раскатами живыми
Зальется въ пѣснь вешнѣй соловей.

99.

Какъ эти сосны древни, величавы,
И не одну имъ сотню лѣтъ прожить;
Ударить молнія! У неба злые нравы,
Судьба рѣшить: имъ именно — не быть!

Весна въ цвѣтахъ; и яблони, и сливы
Всѣ разодѣты въ бѣлыхъ лепесткахъ.
Морозъ ударить ночью! И не живы
Тѣ силы ихъ, что зрѣть могли въ плодахъ.

И Гретхенъ шла—полна святого счастья,
Полна невинности, безъ мысли о тюрьмѣ, —
Но глянулъ блескъ проклятаго запястья,
И смерть легла и въ сердцѣ, и въ умѣ...

100.

Ты тутъ жила! Зимы холодной
Покровъ блистаетъ серебромъ;
Калитка, ставшая свободной,
Стучить изломаннымъ замкомъ.

Я старъ! Но развѣ я мечтами
О томъ, какъ здѣсь встрѣчались мы,
Не въ силахъ самъ убрать цвѣтами
Весь этотъ снѣгъ глухой зимы?

И развѣ въ старости печальной
Всему прошедшему не жить?
И ни единой музыкальной,
Хорошей думы не сложить?

О, нѣтъ! Мечта полна избытка
Воспоминаній чувствъ былыхъ...
Вотъ, вижу, лѣто! Вотъ калитка
На петляхъ звякаетъ своихъ.

Іюньской ночи стрекотанье...
И плескъ волны у береговъ...
И голосъ твой... и обожанье,—
И нѣтъ зимы... и нѣтъ снѣговъ!

101.

Сегодня въ церковь не пошелъ я,
Но я въ саду моемъ ходилъ
И грустный слѣдъ полночной бури,
Насколько можно, удалилъ.

Срѣзалъ поломанныя вѣтви,
Деревья павшія срубалъ
И обнаженные корни
Землею свѣжей присыпалъ.

Да, это—видъ богослуженья!
Казалось: церкви звонъ, дрожа,
Сопровождалъ, какъ литургію,
Труды лопаты и ножа.

И, такъ какъ праздникъ былъ въ то время
Одинъ изъ лучшихъ по веснѣ,
Въ кустахъ акаѳистъ птицы пѣли,
Безличный, но понятный мнѣ...

102.

Твоя слеза меня смутила...
Но я, клянусь, не виновать!
Страшна условій жизни сила,
Стѣной обычаи стоять.

Совсѣмъ не въ силу убѣденья,
А въ силу нравовъ, иногда
Всплываютъ грустные явленья,
И люди гибнуть безъ слѣда,

И ужасающая драма
Родится въ трескъ фразъ и словъ
Несуществующаго срама
И намалёванныхъ оковъ.

.....

103.

Высоко гуляетъ вѣтеръ,
Шевелитъ концы вѣтвей...
Сильфъ воздушный, сильфъ прекрасный,
Вѣй, красавецъ, шибче вѣй!

Тамъ тебѣ просторъ и воля;
Всюду, всюду — свѣтлый путь!
Только книзу не спускайся,
Не дыши въ людскую грудь.

Станешь ты тоскою грузенъ,
Станешь вяль, лишишься сна;
Грудь людская, будто улей,
Злыхъ и острыхъ жалъ полна...

И тебя, мой сильфъ воздушный,
Не признать во цвѣтѣ лѣтъ;
Побывавъ въ болящей груди,
Обратишься ты въ скелетъ;

Отлетѣвъ, въ вѣтвяхъ застрянешь
Сочлененьями костей...
Не спускайся наземъ, вѣтеръ,
Вѣй, мой сильфъ, но выше вѣй!..

104.

Какъ рѣбки вы и какъ ничтожны, —
Ни воли нѣтъ, ни силы нѣтъ...
Не примѣнить-ли къ вамъ, на случай,
Сельско-хозяйственный совѣтъ?

Любой, любой хозяинъ знаетъ:
Чтобы травѣ пышной расти —
Ее скосить необходимо
И, просушивъ, въ стога свезти...

105.

«Пара гнѣдыхъ», или «Ночи безумныя»,
 Яркія пѣсни полночныхъ часовъ, —
 Пѣсни такіа-жъ, какъ мы, неразумныя,
 Съ трепетомъ, съ дрожью больныхъ голосовъ!..

Что-то въ васъ есть безконечно хорошее...
 Въ васъ отлетѣвшее счастье поетъ...
 Словно весна подойдетъ подъ порошею,
 Въ сердцѣ—истома, въ душѣ—ледоходы!

Тайныя встрѣчи и оргіи шумныя,
 Грусть... неудача... пропавшіе дни...
 Любимъ мы, любимъ васъ, пѣсни безумныя:
 Ваши безумія нашимъ сродни!

106.

И́тъ, не могу! Порой отвсюду,
 Во тьмѣ ночной и въ свѣтѣ дня,
 Какъ крики совѣсти Гуду—
 Мечты преслѣдуютъ меня.

Въ чаду какого-то кипѣнья,
 Несетъ волшебница дрова,
 Кладетъ въ костеръ, и пѣснопѣнья
 Родятся силой колдовства!

Сгораетъ связь межъ мной и ими,
 Я становлюсь имъ всѣмъ чужой. ...
 И предъ созданиями своими
 Стою съ поникшей головой...

107

Не обострай своихъ страданій,
Не разжигай своей мечты!
По жизни, въ долгій срокъ скитаній,
Въ свой часъ ихъ много встрѣтишь ты.

Тебѣ такъ часто, такъ глубоко
Придется силу ихъ познать,
Что, право, лучше ихъ до срока
Не разжигать, не обострять!

108.

Было время, въ оны годы,
Къ этимъ тихимъ берегамъ
Приплывали финикійцы,
Пробираясь къ янтарямъ.

Янтари въ пескахъ лежали...
Что янтарь—смола одна,
Финикійцы и не знали;
Эта мудрость намъ дана!

И теперь порой, гуляя
Краемъ моря, я смотрю:
Не случится-ль мнѣ по счастью
Подобраться къ янтарю.

Говоритъ мнѣ какъ-то море:
«Не трудись напрасно, другъ!
Если ты янтарь отыщешь,—
Обратишь его въ мундштукъ.

«Онъ отъ горя потускнѣть...
То-ли, было, напимѣрь,
Попадать на грудь, на плечи
Древне-греческихъ гетеръ!..

«Отыщи ты мнѣ гетеру,
А курить ты перестань,
И тогда тебѣ большую
Янтаремъ внесу я дань».

Съ той поры хожу по взморью,
Финикійцемъ жажду быть,
Жду мионической гетеры,
Но—не въ силахъ не курить...

109.

Ночь ползетъ изъ травы, изъ кустовъ;
Чуть погаснетъ закатъ, проступаетъ;
Нѣтъ плотины тѣнямъ, нѣтъ оковъ:
Тѣнь возникшую тѣнь нагоняетъ.

И, соткавшися въ глубокую тьму,
Въ темной жизни своей веселятся;
Что и какъ—не узнать никому,
Но на утро цвѣты расплодятся!

110.

Я знаю кладбище. Съ годами
 Остатки камней и крестовъ
 Стоять застывшими волнами
 Въ подушкахъ мягкихъ, сочныхъ мховъ.

Они—какъ волны—безымянны
 И только изрѣдка, порой,
 Возникнетъ новая могила
 Поименованной волной...

Читаешь имя... какъ-то странно!
 Въ немъ просьба будто-бы слышна,
 Борьба послѣдняя съ забвеньемъ,
 Но... прекратится и она!

111.

На гробъ старушки я дряхлѣющей рукой
 Кладу вѣнокъ цвѣтовъ,—вниманье небольшое!
 Въ продажѣ терній нѣтъ, и нужно-ль предъ толпой,
 Не знающей ея, свидѣтельство такое?

Тѣ люди отошли, въ которыхъ ты жила;
 Ты такъ-же, какъ и я, скончаться опоздала;
 Волна твоихъ людей давно ужъ отошла,
 Но гордо высилась въ свой срокъ и сокрушала.

Упала та волна предъ юною волной
 И подъ нее ползеть безсильными струями;
 Въ нихъ—еле видный слѣдъ той гордости былой,
 Что пѣнилась, гремя могучими краями.

Никто, никто теперь у гроба твоего
 Твоей большой вины, твоихъ скорбей не знаетъ,
 Я знаю, я одинъ... Но этого всего
 Мнѣ некому сказать... Никто не вопрошаетъ.

Года прошедшіе—морскихъ песковъ наносъ!
Злорадство устаеъ, и клевета нѣмѣеъ;
И нѣтъ свидѣтелей, чтобъ вызвать на допросъ,
И некого судить... А смерть—забвеньемъ вѣеъ!

112.

Здравствуй, товарищ! Подай-ка мнѣ руку.
 Что? Ты отдернулъ? Кажись, осерчалъ?
 Глянь на мою,—нѣтъ ей мѣста въ гостиной;
 Я, братъ, недаромъ кустарникъ сажалъ.

Старый товарищ! Печальная встрѣча!..
 Какъ искалѣченъ ты жизнью, бѣднякъ!
 Ну-ка, пожалуй въ мой домъ, горемыка...
 Что? Не желаешь? Не любо! Чудакъ!

Выпьемъ съ тобой... Какъ? И пить ты не хочешь?
 Просишь на выпивку на-руки дать;
 Темное чувство въ тебѣ шевельнулось?..
 Что за причина, чтобъ мнѣ отказать?

Гордость? Стыдливость? Сомнѣніе? Злоба?..
 Коль потолкуемъ—причину найду...
 Да не упрямся, мы юность помянемъ,
 Дочку увидишь мою...—«Не пойду».

И отошелъ онъ по пыльной дорогѣ,
Денегъ онъ взялъ, не сказавъ ничего...
Разныхъ два міра въ насъ двухъ повстрѣчались...
Камнемъ бы бросить... Кому и въ кого?

113.

Съ моря сердитаго въ малый заливъ забѣжавъ.
Въ тихомъ спокойствіи я очутился;
Лодку свою между острыхъ камней привязавъ,
Слушая бурю, въ раздумьѣ забылся...

Какъ хорошо, прекративъ неоконченный споръ,
Мирно уйти изъ буруновъ сомнѣнья,
Руки сложить, ни себѣ, ни другимъ не въ укоръ,
Тихо качаясь на зыби мышленья...

~ ~ ~ ~ ~

114.

Я вѣрю старому преданью,
Я вѣрю въ блескъ надеждъ живыхъ;
Я въ долгій вѣкъ, бѣжавъ за ними,
Лишился многихъ благъ земныхъ.

Я вѣрю въ то, что неподвижно
Безсмертье вѣчной красоты,
Что шумъ мірской проходитъ мимо,
Со славы—сыплются листы!

Что есть въ мышленьяхъ наказанье,
Что сбить съ дороги умъ людской,
Что міръ погибнетъ безобразьемъ
И возродится—красотой!

115.

Мнѣ улыбаться надоѣло,
Улыбка на другихъ—претитъ!
Она лицо, что помертвѣло,
Совсѣмъ не кстати молодить.

Она настолько-же правдива,
По сѣти столько-же мелка,
Какъ умъ, величіе и храбрость
Въ лицѣ китайскаго божка.

116.

Меня въ загробномъ мірѣ знаютъ,
 Тамъ много близкихъ, тамъ я—свой!
 Они, я знаю, ожидаютъ...
 А ты и здѣсь, и тамъ—чужой!

«Ему нѣтъ мѣста между нами»,—
 Вольны умершіе сказать,—
 «Мы всѣ, да, всѣ, живемъ сердцами,
 «А онъ? Ему гдѣ сердце взять?»

«Ему здѣсь будетъ несподручно,
 «Онъ слишкомъ дерзокъ и уменъ;
 «Жить въ томъ, что осмѣялъ онъ—скучно,
 «Онъ не захочетъ быть смѣшонъ.

«Все имъ поруганное—видѣть,
 «Что отрицалъ онъ—осязать,
 «Безъ права лгать и ненавидѣть
 «Въ необходимости—молчать!»

Ты предвкуси такую пытку:
Жить внѣ злословья, внѣ витійствъ!
Тамъ не подрѣжетъ Парка нитку,
Не можетъ быть самоубійствъ!

Въ неисправимости былого
Подъ гнетомъ страшнаго ярма,
Ты, бѣдный, не промолвишь слова
И тамъ—не здѣсь—сойдешь съ ума!

117.

На сценахъ царскія палаты
 Вдругъ превращаютъ въ лѣсъ и долъ;
 Часть тащутъ кверху за канаты,
 Другую тянутъ внизъ, подъ полъ.

Весной такъ точно льдины таютъ:
 Отчасти ихъ лучъ солнца пьетъ,
 Отчасти въ глубь земли сбѣгаютъ,
 Шумя ручьями теплыхъ водъ!

Знать, съ насъ примѣръ беретъ природа:
 Чтобъ измѣнить черты лица
 И поюнѣть къ цвѣтеню года—
 Весну торопить въ два конца...

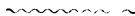
~~~~~

118.

Чуть тронулись вешнія почки,
 Открылся и глянул мой прудъ;
 Любовно воркуютъ лягушки,
 Но скоро и квакать начнутъ.

Минуютъ часы вождедѣній
 И вешней любви суета,—
 Наступитъ пора тревоженій
 И съ жизнью въ болотѣ счѣта.

Бѣднягамъ заквакать придется
 О нуждахъ великихъ земли,
 О томъ, о другомъ, о десятомъ...
 Понятно: летать журавли!

119.

Въ конецъ окружены туманомъ прежнихъ дней,
 Все неподвижнѣй мы, въ желаньяхъ тяжелѣй;
 Все уже горизонтъ, беззвучнѣе мечты,
 На все спускаются завѣсы и щиты...

Глядишь въ прошедшее, какъ въ малое окно;
 Тамъ все такъ явственно, тамъ все озарено,
 Тамъ свѣтятъ тысячи таинственныхъ огней;
 А тутъ—совсѣмъ темно и, что ни часъ, темнѣй...

Весь свѣтъ прошедшаго какъ-бы голубовать.
 Цвѣтъ взглядовъ юности! Давно погасшій взглядъ!
 И самъ я освѣщенъ сіяніемъ зари...
 Заря въ свершившемся! Любуйся и смотри!..

Какъ ясно чувствую и какъ понятно мнѣ,
 Что жизнь была полнѣй въ той свѣтлой сторонѣ!
 И что за даль видна за маленькимъ окномъ—
 Въ моемъ свершившемся, чарующемъ, быломъ!

Вѣдь я тамъ былъ въ свой часъ, но я не сознавалъ.
И слышу ясно я—мнѣ кто-то прошепталъ:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотрѣть!
Но—чтобъ туда пройти—ты долженъ умереть!»

120.

О! какъ я люблю порою,
Утомившись разсуждать,
Надъ болтливою рѣкою
Посидѣть и помолчать!

Затиhaетъ шумъ сомнѣній,
Примиpяется разладъ;
Нѣтъ вопросовъ—нѣтъ рѣшеній!
Жизнь проста, я жизни радъ.

Счастливъ я вблизи природы—
Устраненъ въ себѣ самомъ,
Внѣ неволи, безъ свободы
И съ немыслящимъ умомъ.

121.

Травка всюду зеленѣетъ
 Чуть, замѣтна, чуть видна!
 Солнце блещетъ! Вдругъ—бѣлѣетъ
 Снова снѣга пелена!

Въ крупныхъ хлопьяхъ выпадаетъ
 Снѣгъ. Но блещетъ неба высь!
 Будто ихъ лазурь роняетъ...
 И откуда вдругъ взялись?

И на каждомъ—солнце блещетъ,
 Въ каждомъ искоркой горитъ;
 Каждый, весь въ свѣту, трепещетъ
 И скорѣй упасть спѣшитъ!

Подлѣ церкви снѣгъ кружится,
 Липнетъ, къ стекламъ занесенъ,—
 Или вздумалъ снѣгъ молиться?...
 Знать, бѣду почуялъ онъ!

122.

Я помню ночь. Мы съ ней сидѣли. ,
 Вдругъ—теплый дождь! Въ лучахъ луны
 Всѣ капли въ немъ зазеленѣли,
 Струясь на землю съ вышины.

Зажглась заря. Вновь упавая,
 Всѣ капли ярко разожглись
 И, въ блескъ утреннемъ пылая,
 Дождемъ рубиновъ пронеслись.

Гдѣ эта ночь съ ея значеньемъ?
 Гдѣ годы тѣ? Гдѣ взять её?
 И самъ живу я подъ сомнѣньемъ:
 Остатокъ дней—не бытіе...

Все на свѣтѣ, все безспорно,—
 Стоить только захотѣть,
 Вдохновенію покорно,
 Можетъ пѣть и будетъ пѣть.

Камни, мхи, любовь и злоба,
 Время, море, лучъ луны,
 Смерть и сонъ—и врознь, и оба—
 Будутъ пѣть и пѣть должны.

Пѣсни—дѣти мысли нашей,
 Удивительный народъ!
 Все становится въ нихъ краше,
 Если въ плоть ихъ перейдетъ.

Тканью слова облекаясь
 Въ помышленіи людей,
 Жизнь природы, удвояясь,
 Кажеть лучше и полнѣй.

И поетъ въ насъ пѣсня вѣчно!
Какъ?—Никто постичь не могъ...
Богъ поэзіи, конечно,
И живой, и мощный Богъ!

124.

Соловья живыя трели
Въ свѣтлой пѣлнѣ гремятъ,
Въ чувствахъ—будто акварели
Прежнихъ, свѣтлыхъ, дней скользятъ!

Рядъ свиданій, рядъ прощаній,
Рядъ божественныхъ ночей,
Чудныхъ ласкъ, живыхъ лобзаній...
Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Греми волнами трелей!
Можетъ-быть, на зло уму,
Эти грезы акварелей
Я за правду вдругъ приму!

Пой! Теперь еще такъ рано,
Полночь только-что прошла,
И сейчасъ изъ-за тумана,—
Вотъ сейчасъ,—она звала...

125.

Вь лиственной чащѣ шумливо,
 Если пахнѣтъ вѣтерокъ;
 Шепчетъ по-своему живо,
 Каждый—да, каждый—листокъ.

Но не сравнить съ этимъ шума,
 Ежели дрогнетъ хвой!
 Въ каждой иглѣ—своя дума,
 Въ каждой—и пѣсня своя...

Пѣсни тѣ звучны и сладки!
 Радостнымъ чувствомъ объять,
 Слушаешь, ищешь разгадки:
 Чтò тебѣ иглы шумять?

Пѣсенъ тѣхъ—тѣмы, мириады,
 Сверху звучать, со сторонъ!
 Тысячи ротиковъ рады
 Пѣть, но съ тобой въ униссонъ.

Вотъ оттого-то средь шума
Вѣчно зеленой хвой
Тихо такъ двигаетъ дума
Свѣтлыя волны свои...

126.

Эта злая буря пронеслась красиво—
Налетѣла быстро, быстро и пропала;
Ясный день до бури, ясный—вслѣдъ за нею,
Будто этой бури вовсе не бывало.

Но она промчалась далеко не даромъ:
Умертвила сосну многовѣковую,
Повалила наземь, обнажила корни...
Плачу я надъ нею, глубоко тоскую!

Ну, такъ усыхайте, дѣвственные корни!
Нѣтъ, не пережить вамъ, корни, обнаженья!
Ты, хвой, рассыпся пожелтѣлымъ прахомъ,—
Ты вѣдь не осилишь злого приниженья!

Плачь, душа, плачь горько, по соснѣ убитой!
Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...
Это—надъ собою самъ хозяинъ плачетъ...
Говорять, что, бури этой было нужно!..

127.

Заря пройдетъ, заря вернется
И—въ безучастности своей—
Не можетъ знать, какъ сильно бьется
Больное сердце у людей.

А чтобъ заря не раздражала,
Своихъ огней для насъ не жгла,
Пускай-бы по свѣту лежала
Непроницаемая мгла!

Что день грядущій? Что былое?
Все прахъ, все кончится въ пыли,—
А запахъ мирры и алоэ
Сойдетъ съ небесъ на трупъ земли...

128.

Опять Христось! Что Онъ межъ нами,
Что каплетъ кровь съ Его креста
На насъ, здѣсь, подлѣ, предъ глазами,
Не видѣть—злая слѣпота!

Христось вездѣ! Въ скитаньяхъ духа,
Въ незнаньи—гдѣ Ты, Богъ живой?..
Въ обманахъ мысли, взгляда, слуха,
Въ гордынѣ мудрости людской!

Онъ—страждетъ въ грубости желаній,
Въ страданьяхъ хилыхъ и больныхъ,
Въ ужасной музыкѣ рыданій
Безсчетныхъ горестей людскихъ.

Онъ—у безвинно-прокаженныхъ,
Онъ—въ толчеѣ дурныхъ страстей,
Онъ—въ грѣзахъ мыслей воспаленныхъ
И даже въ творчествѣ людей.

Крестъ—у безвременной могилы;
Крестъ—въ безобразы дикихъ сновъ
И въ нерѣшительности силы,
И въ тяжкомъ звяканьи оковъ...

Да, снова чуются пророки...
Подточенъ всякій идеаль...
Горять евангельскія строки:
«Я къ вамъ прійду!» Онъ долго ждалъ...

129.

Бѣжить по краю неба пламя,
 Блеснули по морю огни,
 И дня поверженное знамя
 Вновь водружается... Взгляни!

Сбѣжали тѣни всякихъ пугалъ,
 И гномовъ темныя толпы
 Сыскали каждая свой уголь,
 И всѣ они теперь слѣпы;

Не дрогнетъ листъ, и надъ травой—
 Ни дуновенья; посмотри,
 Какъ все кругомъ блеститъ росой
 Въ священнодѣйствіи зари.

Душа и небо—единеньемъ
 Объаты—нѣкій гимнъ поютъ,
 Служа другъ другу дополненьемъ...
 Увы! на нѣсколько минутъ.

Я помню ужасъ смерти этой...
Сильна была любовь моя...
Какъ я къ усопшей, къ неотпѣтой,
Ходилъ въ тѣ дни—не помню я.
Но помню страстное желанье
Все, что имѣлъ тогда—отдать,
Чтобъ дорогое очертанье
Въ нетлѣнномъ камнѣ изваять,
Въ путинахъ ада или рая
Ее я выслѣдить хотѣлъ...
Я заболѣлъ! Весь смыслъ теряя,
Мой дикій бредъ—перегорѣлъ.
И что-жь? Гдѣ вы, тѣхъ дней миражи?
Прошли года—мой духъ живой,
Не совершивъ у смерти кражи,
Забылъ о пыткѣ огневой.
И вотъ—портретъ съ ея чертами!..
Но холодна моя душа...
Гляжу спокойными очами
И говорю: «Какъ хороша!..»

131.

Какъ думы мощныхъ скалъ, къ скалѣ и отъ скалы,
Въ лучахъ полуденныхъ проносятся орлы;
Въ расщелинахъ дубовъ и камней рождены,
Они на краткій срокъ огнемъ озарены—
И возвращаются отъ свѣтлыхъ облаковъ
Во тьму холодную родимыхъ тайниковъ,—

Такъ и мои мечты взлетаютъ въ высоту...
И вижу, что ни день, убитую мечту!
Все ту-же самую! Размѣры мощныхъ крылъ,
Размахъ ихъ виденъ весь!.. Но кто окровавилъ
Прострѣленную грудь? Убитая мечта,
Она—двуглавая: добро и красота!..

~~~~~

Лѣсъ густой; за лѣсомъ—праздникъ
Здѣшнихъ мѣстныхъ поселянъ:
Клики, гулъ, обрывки рѣчи,
Тучи пыли—что туманъ.

Видно издали—мелькають
Люди... Не понять-бы намъ,
Если-бы не знать причины:
Пляска, или драка тамъ?

Тѣ-же самыя сомнѣнья
Были-бъ въ мысляхъ рождены,
Если-бъ издали, случайно
Глянуть въ жизнь со стороны.

Праздникъ жизни, бойня жизни,
Клики, говоръ и туманъ...
Непонятное верченье
Краткосрочныхъ поселянъ.

133.

Славный свѣтъ! Какая роскошь!..
 Все, что осень обожгла,
 Обломала, сокрушила,
 Ткань густая облегла.

Эти свѣтлые покровы
 Шиты въ мѣрку, въ самый разъ,
 И чаруютъ бѣлизною
 Къ сѣрой мглѣ привыкшій глазъ.

Неспокойный, рѣзкій вѣтеръ,
 Онь—закройщикъ и портной—
 Срѣзалъ все, что было лишнимъ,
 Свѣялъ на-землю долой...

Крѣпко, плотно сшилъ морозомъ,
 Искръ навѣялъ безъ числа...
 Платье было-бъ безъ износа,
 Если-бъ не было тепла,—

Если-бъ оттепель порою,
Разрыхляя ткань снѣговъ,
Какъ на зло, водою талой
Не распарывала швовъ...

134.

Повиснуть хмѣль съ жердей забора,
 И снасть съ рѣки убралъ рыбагъ;
 Въ остаткахъ прежняго убора
 Лѣсъ замолчавшій полунагъ.

Какъ длинны сумерки! Какъ малы
 Просвѣты неба. Въ облакахъ
 Нѣтъ жизни и лежатъ усталы
 Въ другъ дружку давящихъ слояхъ.

И въ людяхъ бытіе любое,
 Когда приблизится разсчитать,
 И все почти уйдетъ въ былое—
 Такой-же обликъ намъ даетъ.

А тамъ придетъ гробокопатель,
 Предвѣстникъ смерти—сѣдина!..
 Ты красишь волосы, пріятель...
 Какая чудная весна!

Какъ на свѣчку мотыльки стремятся
 И, пожегши крылья, умираютъ,—
 Такъ его безчувственную душу
 Тѣни мертвыхъ, молча, окружаютъ.

Нѣтъ уликъ! А самъ онъ такъ спокоенъ;
 Съ юныхъ лѣтъ въ довольствѣ очерствѣлый,
 Смѣло шель онъ по широкой жизни
 И идетъ, красиво посядѣлый.

Онъ срывалъ однѣ лишь только розы,
 Цвѣтъ срывалъ, шиповъ не ощущая;
 Въ чудный панцырь правъ своихъ закованъ —
 Сбывалъ онъ страданья, не страдая.

О, Господы! Да гдѣ-же справедливость?
 Божья места! Тебя не обрѣтаютъ!
 Смогли жертвы, ихъ совсѣмъ не слышно,
 Но зато — свидѣтели рыдаютъ...

136.

Юность напрасно отъ старшихъ сторонится!
Старшіе — кроткій, хорошій народъ...
Больше надеждъ нами въ землю хоронится,
Чѣмъ въ колыбеляхъ младенцевъ цвѣтеть!

137.

Во мнѣ спокойно спать гиганты,
 Тѣ, что вступали съ небомъ въ бой:
 Ветхозавѣтные пророки,
 Изида съ птичьей головой;

Спать тѣ, что видѣли Агору
 И посѣщали Пританей,
 Тѣ, что когда-то покрывали
 Багряной сѣнью Колизей;

Почіють рати крестоносцевъ,
 Славянскій сонмъ богатырей,
 И ненавистный Торквемада
 Въ кругу чернѣющихъ друзей;

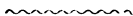
Спать надушонныя маркизы,
 Порой хихикая сквозь сонъ,
 И въ русскомъ мраморѣ, въ тивдійскомъ,
 Положенъ спать Наполеонъ.

И всѣ они, какъ-будто зерна
 Въ своихъ скорлупкахъ по веснѣ,
 Въ свой срокъ способны раскрываться
 И жить, не въ первый разъ, во мнѣ!

И что за звонъ, и что за грохотъ,
 И что за жизненность картинъ,
 Тогда несущихся по мыслямъ,—
 Имъ счета нѣтъ — а я одинъ!

Какая связь межъ всѣми ими
 И мной? Во тьмѣ грядущихъ дней,
 Какое мѣсто будетъ нашимъ
 Въ грядущихъ памятяхъ людей?

О, нѣтъ! Не кончено творенье!
 Богъ продолжаетъ создавать
 И, чтобы міръ былъ необъятнѣй,
 Онъ научилъ — не забывать!

Смотри впередъ, вѣ нынѣшней минуты!
 Въ той, что идетъ, не властенъ ты вершить;
 Такъ великій условій жизни путы,
 Что ихъ тебѣ ни снять, ни сокрушить.

Безсиленъ ты, — какъ конь въ степи стреноженъ.
 Чтò въ томъ, что онъ, какъ вѣтеръ, быстръ и смѣль?
 Когда-то раньше былъ твой бѣгъ возможенъ;
 Помчаться могъ-бы ты — но не съумѣлъ.

Смотри впередъ! Увидишь просвѣтленье!
 Теперь, сейчасъ сознай, предупреди —
 И будешь ты хозяиномъ движенья
 Съ отвагой въ мысляхъ и огнемъ въ груди.

О, вѣрь мнѣ, вѣрь! Когда-бы люди знали,
 Чтò значить властвовать въ минутѣ, что идетъ,
 И, вѣруя въ себя, безъ страха, безъ печали,
 Могли смотрѣть сознательно впередъ!..

139.

Еще недавно, полонъ силы,
Онъ былъ и ласковъ, и уменъ, —
Онъ понималъ людей живущихъ
И зналъ людей былыхъ временъ.

Теперь осунулся всѣмъ тѣломъ,
Не говорить — бормочетъ вслухъ;
Онъ живъ еще, порой смѣется,
Но отлетѣлъ безсмертный духъ!

И не понять совсѣмъ, что движетъ
И не дастъ сложить костей
Ходячей муміи въ прогулкахъ
Ея по торговицамъ людей...

140.

Тьма непроглядна. Море близко,—
Молчить... Такая тишина,
Что комаровъ полнотныхъ пѣсня
И та мнѣ явственно слышна...

Другая ночь, и то-же море
Нешадно бьетъ вдоль береговъ;
И тьма полна такихъ стenanій,
Что я своихъ не слышу словъ.

А я все тотъ-же!.. Не завишу
Отъ этихъ шутокъ бытія,—
Меня влечетъ, стезей особой,
Совсѣмъ особая ладыя.

Ей все равно: что тишь, что буря...
Другъ! Полюбуйся той ладьей,
Прочти названье: «Все проходить!»
Лады не купишь,—самъ построй!

141.

Погасало въ нихъ бывшее,
Чась разлуки наступалъ;
И, принявъ рѣшеніе злое,
Наконецъ, онъ ей сказалъ:

«Поднеси мнѣ эту чашу!
Въ ней я выпью смерть свою!
Этимъ связь разрушу нашу—
Дамъ свободу бытію!

«Если это не угодно
Странной гордости твоей,
Волю вырази свободно,
Кинь ты чашу и разбей!»

Молча, медленно, высоко
Подняла ее она
И—быстрѣй мгновенья ока
Осушила всю, до дна...

Мой стихъ, — онъ не лишёнъ значенья:
 Тѣ люди, что теперь живутъ,
 Себѣ родныя отраженья
 Увидать въ немъ, когда прочтутъ.

Да, въ этихъ очеркахъ правдивыхъ
 Не скрыто мною ничего!
 Черты въ нихъ — больше некрасивыхъ,
 А краски — сѣрыхъ большинство!

Но, если мы безцвѣтны стали, —
 Въ одномъ нельзя намъ отказать:
 Мы — раздроблённыя скрижали,
 Хоть иногда, не прочь читать!

Какъ-бы ауканье тѣсное
 Иль эха чуткаго отвѣтъ,
 Порой доходить къ намъ былое...
 Дойдетъ-ли къ внукамъ? Да, иль нѣтъ?!

143.

Полдень декабрьскій! Природа застыла;
Грузнаго неба тяжелую высь,
Будто надолго, свинецъ и чернила
Всюду окрасить любовно взялись.

Смутныя мысли бѣгутъ и вѣщаютъ:
Тамъ, съ поднебесной, другой стороны
Свѣтлыя краски теперь проступаютъ;
Тучи обласканы, жизни полны.

Грустно тебѣ! Тяжело непомѣрно,
Душу твою мракомъ дня нагнело...
Слушай, очнись! Несомнѣнно, навѣрно
Гдѣ-нибудь сыщешь и свѣтъ, и тепло.

144.

Въ чудесный день высь неба голубая
Была свѣтла;
Звучали съ церкви, башню потрясая,
Колокола.

И, что ни звукъ, то новыя видѣнья
Безплотныхъ силъ...
Онѣ свершали на землю схождение
Поверхъ перилъ.

Онѣ, къ землѣ спустившись, отдыхали
Вблизи, вдали...
И незамѣтно, тихо погасали
Въ тѣняхъ земли...

И я не зналъ подъ обаяньемъ звона:
Что звукъ, что свѣтъ?
Для многихъ чувствъ нѣтъ мѣры, нѣтъ закона
И прозвищъ нѣтъ!..

145.

Заката свѣтлаго пурпурные лучи
Стремятся на гору съ синѣющей низины,
И ярче пламени въ открывшейся печи
Пылаютъ сосенъ темныя вершины...

Не такъ-ли въ Альпахъ горные снѣга
Горятъ, когда внизу синѣетъ тьма тѣнями...
Жизнь родины моей! О, какъ ты въ намъ строга,
Какъ не балуешь насъ роскошными дарами!

Мы силами мечты должны воссоздавать
И дорисовывать, чего мы не имѣемъ;
То, что другимъ дано, намъ надо отыскать,
Намъ часто не собрать того, что мы поѣдемъ!

И въ нашемъ творествѣ должны мы превозмочь
И зиму долгую съ тяжелыми снѣгами,
И безразсвѣтную, томительную ночь,
И тьму безвременья, сгущенную вѣками...

146.

Еще одинъ остался часть,
 И—эта масляница сгинеть,
 И, ставъ задумчиво средъ насъ,
 Великій постъ свой ликъ продвинетъ.

А по пятамъ за нимъ весна
 Придетъ съ улыбкой искушенья
 И всѣ усиля говѣнья
 Нарушить первая—она!

Да, людямъ, въ чаяннй свободы,
 На долгомъ жизненномъ пути
 Успокоенья не найти
 Въ цѣпяхъ законовъ и природы.

Маня къ себѣ исподтишка,
 Жизнь, словно хищница въ засадѣ,
 Насъ, въ прирожденномъ намъ разладѣ,
 Бьетъ наповаль, навѣрняка!

147.

А! Ты не вѣрила въ любовь! Такъ хороша,
Такъ явственно умна и гордостью богата,
Вся въ шелестѣ шелковъ и вѣромъ шурша,
Ты зло выпучивала и сестру, и брата!
Какъ вѣтеръ царственный въ немѣрянной степи,
Ты, беззаботная, по жизни проходила..
Теперь, красавица, ты тоже полюбила,
Насмѣшки кончились... Блаженствуй и терпи!

148.

Заволокнѹлись мысли къ ночи
И, какъ туманъ въ мѣстахъ сырыхъ,
Лежать недвижными слоями,
И обѣляетъ мѣсяцъ ихъ.

Недавно всѣ онѣ бродили,
Вились свободно межъ вѣтвей
И, въ тѣнь уйдя, не признавали
Докучныхъ мѣсяца лучей.

Теперь настойчиво и жадно
Ты, мѣсяцъ, алчущій старикъ,
Цѣлуешь ихъ и беззазорно
Къ ихъ мертвымъ прелестямъ преникъ.

Цѣлуй!... Когда заря зажжется,
Убьютъ ея огней струи—
И ихъ замученную прелесть,
И ласки жадныя твои.

149.

Не насѣдайте на меня отвсюду,
 Не говорите сразу, всѣ, толпой,
 Смутится мысль моя, и я сбиваться буду,
 Вы правы будете, сказавши: «Онъ смѣшной!»

Но, если, медленно окрѣпнувши, въ раздумѣ
 Я, наконецъ, молчаніе прерву,
 Я, будто въ морѣ, въ вашемъ скудоумѣ,
 Подъ прочнымъ парусомъ спокойно поплыву.

Что я молчалъ такъ долго, такъ упорно,
 Не признакъ слабости мышленья и души...
 Не все то дрябло, хило, что покорно...
 Большія силы копятъ въ тиши!

150.

Кто утомленъ, тому природа—
Великій другъ, по сердцу братъ,
Въ ней что-нибудь всегда найдется
Душѣ звучащее подъ ладъ.

Глядишь на рощу; въ колыханьѣ
Она шумитъ своей листвою,
И, мнится, будто, противъ воли,
Ты колыханью рощи—свой!

Зажглись-ли въ небѣ хороводы,
И блещутъ звѣзды въ вышинѣ;
Глядишь на нихъ—онѣ двоятся
И ходятъ также и во мнѣ...

~~~~~

151.

Какъ вы мнѣ любы, полевые
 Глубокой осени цвѣты!
 Несвоевременныя грѣзы,
 Не въ срокъ возникшія мечты!..

Вы опоздали въ жизнь явиться;
 Васъ жгутъ морозы на зарѣ;
 Вамъ въ маѣ надобно родиться,
 А вы родились въ октябрѣ...

Отвѣтъ ихъ: «Мы не виноваты!
 Насъ не хотѣли опросить,
 Но мы надеждою богаты:
 Къ зимѣ не будутъ насъ косить!»
прекрасно

152.

Когда-бы всѣ былия силы,
То, что зовутъ у насъ душой
Отъ ранней юности направить
Одною ясною стезей;

Когда-бъ, избравъ одно призванье,
Счастливецъ въ жизни не блуждалъ,—
Его почтили-бъ дружбой равной
Астарта, Бахусъ и Ваалъ.

Но мы прямыхъ дорогъ не знаемъ:
Блуждаемъ, и, въ концѣ концовъ,
Насъ зацѣловываютъ на-смерть
Одинъ или два изъ тѣхъ боговъ!

~~~~~

153.

Не можетъ юноша, увидѣвъ
 Тебя, не млѣть передъ тобой:
 Такъ ты волшебна, такъ чаруешь
 Средневѣковой красотой!

И мнится мнѣ: ты—шателѣнка;
 По замку арфы вокругъ звучать,
 Къ тебѣ въ плюмажахъ и беретахъ
 Съ поклономъ рыцари спѣшатъ.

И я въ раздумѣ: какъ-бы это
 И мнѣ, съ лоснящимся челомъ,
 Въ числѣ пажей и кавалеровъ
 Явиться въ обществѣ твоёмъ?

И я рѣшилъ: стать звѣздочетомъ,
 Одѣться въ бархатъ—тѣмы темнѣй,
 На колпакъ остроконечномъ
 Нашить драконовъ, совъ и змѣй;

Тогда къ тебѣ для гороскопа,—
Чтобъ остеречь отъ золь и бѣдъ,—
Въ полночный часъ въ опочивальню
Я буду призванъ на совѣтъ.

Тогда, подъ кровомъ ночи звѣздной,
Тебѣ толкуя зодіакъ,
Я буду счастливъ, счастливъ... Только
Боюсь, чтобъ не слетѣлъ колпакъ!

154.

Славный вождь годовъ далекихъ!
Съ кѣмъ, тебя, скажи, сравню?
Былъ костеръ—въ тебѣ я вижу
Сиротинку-головню.

Все еще она пылаетъ...
Нѣтъ не то! Ты—старый дубъ,
Въ третьемъ царствованьи крѣпокъ
И никѣмъ не взять на срубъ.

Много бурь въ тебѣ гудѣло,
И, спускаясь сверху внизъ,
Молній падавшихъ удары
Въ ленту черную свились.

Все бывшее одолѣлъ ты
Отъ судьбы и отъ людей;
Не даешь ты, правда, цвѣта,
Не приносишь желудей...

Но зато листвою жесткой
Отвѣчать совсѣмъ не прочь
И тому, что день подскажетъ,
Что тебѣ нащепчетъ ночь!...

Голоса твоей вершины—
Въ общей музыкѣ безъ словъ—
Вторять мощнымъ баритономъ
Тенорамъ молодяковъ...

155.

Не зналъ я, что разладъ съ тобою,
Всю жизнь разбившій пополамъ,
Дохнётъ неожиданной теплотою
Навстрѣчу позднимъ сѣдинамъ.

Да!.. Я изъ этого разлада
Позналъ, что значить типина,—
Какъ велика ея отрада
Для тѣхъ, кому она дана...

Когда-бъ не это,—безъ сомнѣнья,
Я, даже и на склонѣ дней,
Не оцѣнилъ-бы единенья
И счастья у чужихъ людей.

Теперь я чувства тѣ лелѣю,
Люблю, какъ ландышъ—близость мховъ,
Какъ любить бабочка лилею —
Замѣтнѣй всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

156.

Почву сухую лопатою я опрокинулъ,—
Только лишь къ свѣту сырая подпочва взглянула,
Сохнуть она началá; еле взглядомъ окинулъ,
Влага исчезла, въ лазури небесъ утонула...

Высохла почва! А влага? Ея незамѣтно;
Ей къ небесамъ удалось отлетѣть; тамъ привѣтно...
Думы мои заповѣдныя! Васъ я рождаю;
Гдѣ вы теперь—миѣ невѣдомо... Я—усыхаю!

157.

Когда я здѣсь, я не могу писать;
Въ строкахъ набрасываю только впечатлѣнья,
Чтобы зимой мечтамъ предоставлять
Отдѣлку смысла ихъ и правду заключенья.

Здѣсь много такъ и красокъ, и тѣней;
Тутъ столько прелестей отвсюду возникаетъ,
Что, мнится, тѣсно всей душѣ моей;
И слово, мысли вслѣдъ, идти не поспѣваетъ.

Зато зимой, когда не будетъ ихъ,
Они таинственно возникнутъ предо мною—
Во всей ихъ правдѣ, въ краскахъ молодыхъ,
Съ очарованіемъ и скромной простотою.

И буду въ нихъ, какъ въ рощахъ я гулять,
Въ нихъ буду счастливъ я, во мнѣ настанетъ лѣто,
О чемъ мечталъ—схвачу домечтать,
Что не допѣто мной, то будетъ въ срокъ допѣто...

158.

Полно! Прислушайся къ пѣснѣ...
Можетъ-быть, въ душу твою
Ласковыхъ звуковъ порядокъ
Мирную пустить струю.

Можетъ-быть, если смиришься,
Будетъ покой тебѣ данъ,
Если выпучивать бросишь
Жгучесть печалей и ранъ.

Мало-ль, что есть... Нерушима
Общая людямъ стезя:
Въ жизни людской—какъ и въ пѣснѣ—
Выкинуть слова нельзя!

Гляжу на сосны,—мощь какая!
Взгляните хоть на этот сукъ:
Его спилить нельзя такъ скоро,
И нужно много, много рукъ...

А этотъ? Что за искривленья!
Когда-то, сотни лѣтъ назадъ,
Онъ былъ, бѣдняга, изувѣченъ,
Былъ какъ-нибудь пригнѣтъ, память.

Онъ въ искривленіи старинномъ
Возросъ—и мощенъ, и здоровъ—
И дремлетъ, будто помнить рѣчи
Всѣхъ имъ прослушанныхъ громовъ.

А вотъ вблизи—сосна другая:
Ничѣмъ не тронута, она,
Шатромъ вѣтвей не расширяясь,
Взросла—красива и стройна...

Но отчего намъ, людямъ, ближе
И много больше тѣшать взоръ
Вѣтвей изломы и изгибы
И ихъ развѣсистый шатерь?

160.

Не помѣяться-ль мнѣ съ моремъ?

Вволю, всласть души?
Санки крѣпки, очи зорки,
Кони хороши...

И нескитанныя версты
Понеслись назадъ,
Гдѣ-то, мнится, берегъ дальній
Различаетъ взглядъ.

Кони шибче, веселѣе,
Мчатъ во весь опоръ...
Море мѣста прибавляетъ,
Шире кругозоръ.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А нечитанныя версты
Сзади собрались
И кричать, смѣясь, въ-догонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нѣтъ въ нихъ силы,
Клонять морды въ снѣгъ...
Ну, пускай другой, кто хочетъ,
Продолжаетъ бѣгъ!

И не въ томъ теперь, чтобъ дальше...
Всюду—ширь да гладь!
Вонъ какъ вдругъ запорошило..
Будемъ умирать!

161.

Здѣсь роща, помню я, стояла,
 Бѣжалъ ручей,—онъ отведенъ;
 Оврагъ, сырой дремоты полный,
 Весь въ тайнобрачныхъ—оголенъ
 Огнями солнца; и пески
 Свиваетъ вѣтеръ въ завитки!

Гдѣ вы, минуты вдохновенья?
 Бывала вами жизнь полна,
 И по мечтамъ моимъ счастливымъ
 Шла лучезарная волна...
 Все это съ рощей заодно
 Куда-то въ даль унесено!..

Воскресни, міръ былыхъ мечтаній!
 Возникни, жизнь былыхъ годовъ!
 Ты заблести, ручей, волнами
 Вдоль оживленныхъ береговъ...
 Міръ тайнобрачныхъ, вновь покрой
 Меня волшебною дремой!

162.

Что имъ стиха размѣрный звонъ?
Отъ нихъ смѣшки и отрицанье...
Но прозвучить для нихъ и онъ
И грозно вынудить признанье.

Какъ? Неизвѣстно! Можетъ-быть,
Услышать въ нѣкій часъ, ревнуя,
Какъ стихъ, просящій полюбить,
Смутить ихъ женъ для поцѣлуя...

Быть можетъ, въ тягости труда
Поймутъ, какъ пѣсня ободряетъ,
Иль въ тяжкомъ горѣ—какъ тогда
Родная пѣсня убажаетъ?

Но ужъ навѣрное для нихъ,
Совсѣмъ не требуя ихъ мнѣнья,
Заголосятъ надгробный стихъ,
И это будетъ—безъ сомнѣнья!

163.

Сквозь листву неудержимо
Тихо льетъ церковный звонъ,
Уносясь куда-то мимо
Въ безконечность всѣхъ сторонъ.

Сквозь большіе неурядки
Душъ людскихъ—добро скользить...
Гдѣ и въ чемъ его зачатки?
И какой влечетъ магнить?

Дивной силой притяженья
Кто-то долженъ обладать,
Чтобы свѣтлыя явленья
Въ тьмѣ кромѣшной вызывать.

164.

Ночь такъ длинна! О, нѣтъ, довольно!
Душа—какъ тѣло—устаеъ,
И мозгу бѣдному такъ больно,
И сердце въ грудь такъ мощно бьетъ.

Мечты, какъ тѣни, возникаютъ;
Видѣнья, вокругъ меня скользя,
Такъ льнуть, такъ дружно обнимаютъ,
Что мнѣдохнуть сквозъ нихъ нельзя...

Подъ утро—сгинуть навожденью,
Когда услышу отъ рѣки
Призывъ къ церковному служенью,
А дома—дѣтскъ голоски!

165.

Серебряный сумрак спустился,
И сходить на землю покой;
Мнѣ слышно движеніе лодки,
Удары весла за горой...

Пловецъ, мнѣ совѣтъ неизвѣстный,
Отъ сердца скажу: добрый путь!
На трудъ-ли плывешь ты, на радость,
На горе-ли,—счастливымъ буды!

Я такъ преисполненъ покоя,
Я такъ имъ богатъ, что возьми
Хоть часть,—мнѣ достанетъ дѣлиться
Со всѣми, со всѣми людьми.

Молчи! Не шевелись! Покойся недвижимо...
Не чуешь-ли судебъ движенья надъ тобой?
Колесъ какихъ-то ходъ свершается незримо,
И рычаги дрожать другъ другу въ-перебой...
Смыкаются пути какихъ-то колебаній,
Разсчеты тайныхъ силъ приводятся къ концу,
Наперекоръ уму, безъ права пожеланій,
И не по времени, и правдѣ не къ лицу...
О, если-бъ, кажется, съ судьбою въ бой рвануться!—
Какой-бы мощности порывъ души достигъ...
Но ты не шевелись! Колеса не запнутся,
Противодѣйствіе напрасно въ этотъ мигъ.
Повѣрь: свершится то, чему исходъ намѣченъ...
Но, если на борьбу ты не потратилъ силъ
И этою борьбой въ конецъ не изувѣченъ—
Ты можешь вновь пойти... Твой часъ не наступилъ.

167.

Тучи декабрьскія! Око за око!
 Я, какъ и вы, только съ виду тоскливъ,
 Въ мысли и въ сердцѣ я веселья глубоко,
 Тайну веселья познавъ, но сокрывъ.

Тайна простая: «тѣмъ лучше, чѣмъ хуже!»
 Гляньте на солнце! Чуть только взойдетъ,—
 Тотчасъ склоняется, мерзнетъ на стужѣ
 И. испугавшись, подъ землю идетъ.

Спрячется! Лѣзутъ отвсюду туманы!..
 Холодно, бѣдно, скучно, темно...
 Царствуютъ вьюги, бушуютъ бураны...
 Солнце—причина, виновно оно!

Чуть отогрѣтъ, сейчасъ исчезаетъ...
 Тамъ-бы и грѣтъ ему, гдѣ холоднѣй!
 То-же и въ людяхъ: гдѣ жизнь нагнетается,
 Падаютъ духомъ и смотрятъ грустнѣй.

Мысль, это—солнце! Кто мыслью слабѣетъ,
Съ зимняго солнца образчикъ беретъ:
Ждетъ, чтобы глянуть, когда потеплѣетъ—
Ждетъ, чтобъ другіе согрѣли... Прождетъ!

168.

Какая засуха!.. Отъ зноя
Къ землѣ всѣ травы прилегли...
Не подалась-ли ось земная,
И мы подъ тропикъ подошли?

Природа-мать—лицепріятна;
Вѣдь, по рассказамъ, не слышать,
Чтобы въ Сахарѣ, или въ Коби
Могли вдругъ льдины наростать?

А здѣсь, на сѣверѣ, Сахара!
Край неба солнце обожгло;
И даже море, обезумѣвъ,
Совсѣмъ далѣко въ даль ушло...

~~~~~

Не храни ты ни бронзы, ни книгъ,
Ничего, что изъ прошлаго цѣнно,
Все, повѣрь мнѣ, возьметъ старьевщикъ,
Все пойдетъ по рукамъ—несомнѣнно.

Тѣ почтенные люди прошли
Что касались былого со страхомъ,
Тѣ, что письма отцовъ берегли,
Не пускали ихъ памятей прахомъ.

Гдѣ старинные эти дома—
Съ ихъ сѣдыми какъ лунь стариками?
Дѣды гдѣ? Гдѣ ихъ опытъ ума,
Гдѣ слова ихъ—не шутки словами?

Весь источенъ сердецъ нашихъ міръ!
Въ чемъ желать, въ чемъ искать обновленья?
И жирѣетъ могильный вампиръ
Урожаемъ годовъ оскудѣнья...

170.

Надъ глухимъ болотомъ буря развернулася!
Но молчить болото, ей не отвѣчаетъ,
Въ мохъ оно одѣлось, въ тину завернулось,
Только стебельками острыхъ травъ качаетъ.

Воскликаетъ буря: «Ой, проснись, болото!
Проступи ты къ свѣту зыбью и сверканьемъ!
Ты совсѣмъ иное испытаешь что-то
Подъ моимъ могучимъ творческимъ дыханьемъ.

«Я тебя немного, правда, взбаломучу,
Но зато твои я мертвенныя воды
Породню, чуть только опрокину тучу,
Съ влагою небесной, съ дѣтищемъ свободы!

«Дамъ тебѣ вздохнуть я! Свѣту дамъ трясинѣ!
Громъ мой, громъ веселый, слышишь, какъ хохочетъ!»
Но молчить болото и, погрязи въ тинѣ,
Ничего иного вовсе знать не хочетъ.

171.

Порой, въ октябрьское ненастье,
Вдругъ загорится солнца лучъ,
Но тотчасъ быстро погасаетъ, —
Туманъ такъ вязокъ, такъ тягучъ.

И говорить земля туману:
«Не обнажай моихъ красоть!
Я такъ устала жаркимъ лѣтомъ,
Въ моихъ красотахъ недочетъ.

«Я такъ безсильна, такъ помята,
Глаза сіянья лишены,
Поблекли губы, косы сбиты,
А плечи худы и блѣдны.

«Закрой меня! Но день настанетъ,
Зимой успѣю отдохнуть,
Повѣрь мнѣ, я сама раскрою
Свою окрѣпнувшую грудь!»

Сказала и, закрывши очи,
Земля слабѣющей рукой
Сгѣшпитъ, какъ пологомъ, туманомъ
Прикрыть усталый обликъ свой.

172.

Яркихъ цвѣтовъ мириады,
Почки раскрывши, цвѣтутъ!
Нѣжно росистые взгляды
Къ небу далекому шлютъ.

«Много насъ въ пышномъ расцвѣтѣ»,—
Стали цвѣты говорить,—
Больше, чѣмъ женщинъ на свѣтѣ,
Даже нельзя и сравнить!»

Слышатъ древесныя вѣтки,
Стали цвѣтамъ отвѣчать:
«Полно вамъ, милыя дѣтки,
Безъ толку хоромъ болтать!

«Всѣ вы—жильцы на мгновенье;
Женщина—долго цвѣтеть...
Сколько-же съ нею въ сравненье
Вашихъ-то жизней пойдетъ?»

Въ юности, въ годы волненій,
Быстро по жизни скользя,
Глухихъ такихъ разсужденій
Вѣтокъ подслушать нельзя.

173.

Люблю я время увяданья...
Повсюду валяются листы;
Лишась убора, умаляясь,
Въ ничто скрываются кусты;

И обмирающія травы,
Пригнувшись, въ землю уходя,
Какъ-будто шепчуть, исчезая:
«Мы всё вернемся, погода!

«Тамъ подъ землею мы потолкуемъ
О томъ, какъ жили, какъ цвѣли!
Для собесѣдованій важныхъ
Необходима тишь земли!»

174.

О, неужели-же на самомъ дѣлѣ правы
 Глашатаи добра, красоть и тишины,
 Что такъ испорчены и помыслы, и нравы,
 Что надобно желать всѣхъ ужасовъ войны?

Что дальше нѣтъ путей, что снова проступаетъ
 Вся дикость прежняя, что, не спросясь, сплеча,
 Работу тихую мышленья прерываетъ
 И неожиданный, и злой ударъ бича...

Что воздухъ жизни затхлъ, что ржавчина и плѣсень
 Такъ въ людяхъ глубоки и такъ тлетворна гниль,
 Что нужны: пушекъ ревъ, разгулъ солдатскихъ пѣсень,
 Полей встревоженныхъ мерцающая пыль...

Людская кровь нужна! И стонъ, и бредъ больницы,
 И сироты въ семьяхъ, и скорби матерей,
 Чтобъ чистую слезу вновь вызвать на рѣсницы
 Не вразумляемыхъ другимъ путемъ людей,—

„Пѣсни изъ Уголка“.

•
Чтобъ этимъ ихъ поднять, и жизни цѣль поставить
И дать задачу имъ по силамъ, по плечу,
Чтобъ добрый пастырь могъ придти и мирно править
И на торгующихъ не прибѣгать къ бичу...

175.

Глядишь открытыми глазами
 Величью полночи въ лицо,
 И вдругъ съ рѣки, иль за кустами
 Раздастся крѣпкое словцо!

Возможна-ль жизнь безъ нарушеній?
 Но надо выдержать умѣть
 И неприглядность дерзновеній
 Скорѣй какъ можно одолѣть.

Они—вездѣ, хотъ ихъ не просятъ,
 Да и предвидѣть ихъ нельзя...
 Такъ пусть-же вѣтры ихъ разносятъ—
 Имъ, какъ и намъ—своя стезя!

176.

Какъ мирно мы сидимъ, какъ тихо...
А, между тѣмъ, весь шаръ земной,
Пространствъ невѣдомыхъ шумиха,
Несется съ адской быстротой!
Близъ насъ и свѣчи не дрожать,
А зѣмли и моря летятъ!

Какъ бурно въ сердцѣ! Валъ за валомъ
Грохочатъ чувства и мечты!
Потрясены и я, и ты...
Но глянь вокругъ! Въ полуусталомъ,
Въ блаженномъ снѣ, глубокомъ снѣ
Весь міръ спокоенъ при лунѣ...

Всѣ наши правды и сомнѣнья
Все это создалъ умъ людской:
Намъ только кажутся движенья,
Намъ только чуется покой...
Что бездны звѣзды! Вѣдь безднъ такихъ
Такъ много, какъ и глазъ людскихъ!

Да, міръ и всѣ его основы—
 Свои для каждаго изъ насъ!
 Я умеръ—цѣлый міръ погасъ!
 Ты родился—возникнулъ новый:
     Тѣмъ несомнѣнный, тѣмъ полный,
     Чѣмъ ярче мысль души твоей!

Для нищихъ духомъ—нѣтъ сомнѣнья,
 Сводъ неба твердь, лежитъ шатромъ;
 Весь кругозоръ ихъ въ силѣ зрѣнья,—
 Ихъ нѣтъ въ грядущемъ, нѣтъ въ быломъ!
     Нѣтъ чувства безднѣ для ихъ умовъ.
     Нѣтъ пониманья, нѣтъ и словъ...

177.

Гораздо больше позабыто,
Чѣмъ жизнь намъ новаго даетъ!
Что было въ дѣтствѣ пережито,
То ярко въ памяти живетъ.

А то, что только-что, недавно
Въ усталой памяти легло,—
То—блѣдно, мертво, безправно
И только отблескомъ свѣтло...

Дни дѣтства—дни произрастаній
Земли и теплой, и сырой,
Дни допотопныхъ очертаній
Съ ихъ мощной, дерзкой красотой.

178.

Стучать на пруду моемъ капли,
Идетъ звуковой перебой...
Эстонецъ и нѣмецъ, и русскій
Ихъ слышать—одинъ, какъ другой.

Но гдѣ тотъ предѣлъ ощущеній,
За гранью которыхъ дано
Великимъ и малымъ народамъ
Познать, а не слышать, одно?

Сбиваютъ ихъ звуки былого,
Прошедшихъ насилій слѣды,
Печали великихъ скитаній
И ярость исконной вражды!

По-своему всѣ они правы,
Различны въ нихъ вѣянья думъ...
Но капли, когда упадаютъ,—
Для всѣхъ одинаковъ ихъ шумъ!

179.

Горить, горить безъ копотѣ и дыма
 И всюду сыплется по осени листва...
 Зачѣмъ, печаль, ты такъ неодолима,
 Такъ жаждешь вылиться и въ звуки, и въ слова?

Ты мнѣ святѣ, моя печаль родная,—
 Не тѣмъ святѣ ты мнѣ, что ты—печаль моя;
 Тебя порою въ пѣснѣ оглашая,
 Совсѣмъ не воленъ я, пою совсѣмъ не я!

Поетъ во мнѣ не гордость самомнѣнья...
 Нѣтъ, плачь души слагается въ размѣръ,
 Одинъ изъ стоновъ общаго томленья
 И безнадежности всѣхъ чаяній, всѣхъ вѣръ!

Вотъ оттого-то кто-нибудь и гдѣ-то
 Во мнѣ отзвучія своей тоскѣ найдетъ;
 Быть можетъ, мной ясиѣ будетъ спѣто,
 Но онъ, по-своему, со мной одно поетъ.

180.

Въ васъ о поэзіи смѣшное представленіе,—
Поэзія—не сонъ, не лѣтопись, не бредъ!
Поэтомъ въ жизни стать—совсѣмъ не наслажденіе,
Какъ тяжело имъ быть—оцѣнить лишь поэтъ!

Но только истинный, имѣющій призванье...
Не триумфаторъ онъ, не жрецъ и не пророкъ,—
Осма невѣрящій, припавшій къ осязанью
И къ поклоненію язвамъ рукъ и ногъ.

181.

Меня здѣсь нѣтъ. Я тамъ, далѣко,
Тамъ, гдѣ-то, въ дняхъ пережитыхъ!
За далью ихъ—не видитъ око
И нѣтъ свидѣтелей живыхъ.

Я тамъ, весь тамъ, за сѣрой мглою!
Здѣсь нѣтъ меня; другимъ я сталъ,
Забывъ, гдѣ былъ я самъ собою,
Гдѣ быть собою пересталъ...

182.

Я плыву на лодкѣ. Парусъ
Рѣжетъ мачтой небеса;
Лебединой бѣлой грудью
Онъ подъ вѣтромъ налилсѣ.

Море тихо, волны кротки
И кругомъ—вездѣ лазурь!
Не бываетъ въ сердцѣ горя,
Не бываетъ въ небѣ бури!..

Я плыву въ сіяньи солнца.
Чѣмъ не рыцарь Лоэнгринъ?
Я совсѣмъ не старъ, я молодъ,
И плыву я не одинъ...

Ты со мною, жизнь былая!
Ты осталась молода
И красавицей, какъ прежде,
Снизопла ко мнѣ сюда.

Вмѣстѣ мы плывемъ съ тобою,
 Бѣлый парусъ тянетъ насъ;
 Я припалъ къ тебѣ безмолвный...
 Свѣтлый часъ, блаженный часъ!..

По плечамъ твоимъ высокимъ
 Солнце блескъ разлило свой,
 И знакомыя мнѣ косы
 Льнуть къ волнамъ своей волной.

Устъ дыханье ароматно!
 Грудь, какъ прежде, высока...
 Снизойди къ докучнымъ ласкамъ
 И къ молениямъ старика!

Что? Ты плачешь?!.. Иль пугаетъ
 Острый блескъ моихъ сѣдинъ?
 Юность! О, прости, голубка...
 Я—не рыцарь Лоэнгринъ!

~~~~~

183.

Здѣсь все мое!—Высь небосклона
И солнца ликъ, и глубь земли,
Призывъ молитвеннаго звона
И эти въ морѣ корабли;

Мои—всѣ села надъ равниной,
Стога, возникшіе окрестъ,
Рѣка съ болтливою стремниной
И все бывшее этихъ мѣстъ...

Здѣсь для меня живутъ и ходятъ...
Мнѣ—свѣжесть волнъ, мнѣ—жаръ огня,
Туманы, даже, тѣ, что бродятъ,—
И тѣ мои и для меня!

И въ этомъ чудномъ обладаньѣ,
Какъ инокъ, на исходѣ дней,
Пишу послѣднее сказанье,
Еще одно, другихъ яснѣй!

Пускай живое пѣснопѣнье
Въ родной мнѣ русскій міръ идетъ,
Гдѣ можно—дать успокоенье
И никогда, ни въ чемъ не лжетъ.

184.

Что тутъ писано, писалъ совсѣмъ не я,—
Оставляла за собою жизнь моя;
Это—буковки отъ бабочекъ бывшихъ,
Слѣдъ замѣтный превращеній временныхъ.

А души моей—что бабочки искать!
Хорошо теперь ей гдѣ-нибудь порхать,
Никогда ея, нигдѣ не обрѣсти,
Потому что въ ней, безпутной, нѣтъ пути...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

„Уголок“.

	СТР.
Здѣсь счастливъ я, здѣсь я свободенъ	7
Мой садъ оградой обнесенъ	9
Въ темнотѣ осенней ночи	32
Еще покрыты льдомъ живые лики водъ	35
Съ простымъ толкую человѣкомъ	42
И вотъ, сижу въ саду моемъ тѣнистомъ	47
Съ высоты горы высокой	52
Бѣлый мохъ здѣсь порастаетъ	73
Я помню, помню прошлый годъ	76
Мой прудъ, онъ съ утра разрисованъ	104
Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ	111
Помню: я дерево въ землю сажалъ	117
Всюду ходить привидѣнья	139
Вдоль Наровы ходить волны	142
По берегамъ рѣки холодной	144
Сегодня въ церковь не пошелъ я	150
Было время, въ оны годы	158
Здравствуй, товарищъ! Подай-ка мнѣ руку	164

„Пѣсни изъ Уголка“.

	СТР.
О, какъ я люблю порою	175
Почву сухую лопатою я опрокинулъ	218
Когда я здѣсь, я не могу писать	219
Ночь такъ длинна! О, нѣтъ, довольно!	228
Серебряный сумракъ спустился	229
Какая засуха!.. Отъ зноя	233
Стучать на пруду моемъ капли	247
Я плыву на лодкѣ. Парусъ	251
Здѣсь все мое!—Высь небосклона	254

Море и сосны.

Отъ горизонта поднимаясь	39
Мощь сѣверныхъ лѣсовъ въ сугробахъ и наносахъ	82
Нынче годъ цвѣтенья сосенъ	122
Припай льда все море обрамляютъ	124
Какъ эти сосны древни, величавы	147
Съ моря сердитаго въ малый заливъ забѣжавъ	166
Въ лиственной чащѣ шумливо	181
Эта злая буря пронеслась красиво	183
Тьма непроглядна. Море близко	200
Гляжу на сосны,— мощь какая!	221
Не помѣряться-ль мнѣ съ моремъ	223

Изъ природы.

Вотъ она—великая трясина!	54
Старый дубъ листья своей лишился	56
Надъ осокой вольный вѣтеръ пролетаетъ	90
Полдень прекрасенъ. Въ лазури	92
Любо мнѣ, чуть съ вечерней зарей	103
Вѣтеръ несется могучій	118

	СТР.
Качается лодка на цѣпи	119
Высоко гуляетъ вѣтеръ	152
Я помню ночь. Мы съ ней сидѣли	177
Заволокнѣлись мысли къ ночи	208
Кто утомленъ, тому природа—	210
Надъ глухимъ болотомъ буря развернулась!	235

Времена года.

Закрѣла осень всѣ пути	74
Въ молчаньи осени сыплются листы	81
Право, не больше чѣмъ въ полчаса времени	95
Нѣтъ, верба, ты опоздала	97
Могучей силою богаты	109
Вы побѣдили, кладбища граниты	130
Вотъ съ крыши первые потѣки	131
Травка всюду зеленѣетъ	176
Славный снѣгъ! Какая роскошь!	191
Повиснулъ хмѣль съ жердей забора	193
Полдень декабрьскій! Природа застыла;	203
Какъ вы мнѣ любы, полевые	211
Тучи декабрьскія! Око за око	231
Порой, въ октябрьское ненастье	236
Яркихъ цвѣтовъ мириады	238
Люблю я время увяданья	240

Изъ міра мыслей.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ—	13
Порой хотѣлось-бы всѣхъ вѣяній весны	30
Мельчаютъ, что ни день, людскія поколѣнья	41

	СТР.
Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ	49
Воды немного, нѣсколько солей	60
Не въ томъ бѣда, что разны состоянья	61
Да, да! Всю жизнь мою я жадно собиралъ	64
Когда въ семьѣ—психически-больной	66
Все чаще говорить приходится—«забылъ»	67
А знаете ли вы, что ясной мысли вслѣдъ	68
Условно все. Когда темнѣть	100
Нѣтъ, не отъ всѣхъ предубѣжденій	102
Порою между насъ пророки возникаютъ	113
Великъ запасъ событій разныхъ	114
Опять Христосъ! Что Онъ—межъ нами	185
Во мнѣ спокойно спать гиганты	196
Смотри впередъ, внѣ нынѣшней минуты!	198
Молчи! Не шевелись! Покойся недвижимо...	230
О, неужели-же на самомъ дѣлѣ правы	241

Къ будущей жизни.

Какъ ты боишься привидѣній	11
Вы—думы яркія, мечтанья золотыя	19
Сквозь оболочку праха, пыли, тлѣнья	22
Когда больной умереть, и кончится со смертью	51
Во снѣ мучительномъ я долго такъ бродилъ	80
Кому-же хочется въ потомство перейти	84
Ты подарилъ мнѣ лучшую изъ книгъ	137
Меня въ загробномъ мірѣ знаютъ	169
Въ конецъ окружены туманомъ прежнихъ дней	173

Лирическія.

Какая ночь! Вошелъ я въ хату	15
Воспоминанья вы убить хотите	16

	СТР.
Гдѣ, скажите мнѣ, та высь небесъ лазурная	18
Дайте, дайте мнѣ, долины наши ровныя	21
Да, да, когда я молодъ былъ	24
Не можетъ свѣтъ луны надъ влагой	26
Сколько хорошихъ мечтаній	28
Предъ великою толпою	29
О, какъ я чувствую, когда къ чему-нибудь	34
Чуть глянулъ жаръ румянаго востока	37
Вотъ—мои воспоминанья	38
Отъ горизонта поднимаясь	39
Слабѣетъ свѣтъ моихъ очей	44
При свѣтѣ трепетномъ лампы въ часъ ночной	57
Ни слава яркая, ни жизни мишура	75
Сказаль-бы я такъ много, много	86
Когда-то, подлѣ Вавилона	87
Какъ въ рубинахъ яркихъ—вкругъ кусты малины	88
Ты любишь его всей душою	96
Гулая въ сѣнѣхъ заката	98
Съ какимъ глубокимъ уваженьемъ	107
Сказочку слушаю я	120
Мои мечты—что лѣсъ дремучій	133
Мысли погасшія, чувства забытыя	134
О, будь въ сознаньи правды смѣль	136
Какое дѣло имъ до горя моего	138
Какая ночь убійственная, злая	146
Ты тутъ жила! Зимы холодной	148
Твоя слеза меня смутила	151
Какъ робки вы и какъ ничтожны	154
„Пара гнѣдыхъ“, или „Ночи безумныя“	155
Не обострай своихъ страданій	157
Ночь ползетъ изъ травы, изъ кустовъ	160
Я знаю кладбище. Съ годами	161
На гробъ старушки я дряхлѣющей рукой	162
Я вѣрю старому преданью	167

	стр.
Мнѣ улыбаться надобно	168
На сценахъ царскія палаты	171
Соловья живыя трели	180
Заря пройдетъ, заря вернется	184
Я помню ужасъ смерти этой	188
Какъ думы мощныхъ скалъ, къ скалѣ и отъ скалы	189
Лѣсъ густой; за лѣсомъ—праздникъ	190
Юность напрасно отъ старшихъ сторонится	195
Въ чудесный день высь неба голубая	204
Еще одинъ остался часъ	206
Не насѣдайте на меня отвсюду	209
Когда-бы всѣ былия силы	212
Не зналъ я, что разладъ съ тобою	217
Полно! Прислушайся къ пѣснѣ	220
Здѣсь роща, помню я, стояла,	225
Сквозь листву неудержимо	227
Не храни ты ни бронзы, ни книгъ	234
Какъ мирно мы сидимъ, какъ тихо	244
Меня здѣсь нѣтъ. Я тамъ, далеко	250
Что тутъ писано, писалъ совсѣмъ не я	253

Поэзія.

Всегда, всегда несчастливъ былъ я тѣмъ	40
Изъ моихъ печалей скромныхъ	59
Ты не гонись за рифмой своенравной	70
Изъ сокровищницы вѣчной	72
Нѣтъ, никогда и никакою волей	78
Нѣтъ, не могу! Порой отвсюду	156
Все на свѣтѣ, все безспорно,—	178
Мой стихъ, онъ—не лишенъ значенья	202
Заката свѣтлаго пурпурные лучи	205
Что имъ стиха размѣрный звонъ	226

СТР.

Горить, горить безъ копоти и дыма	248
Въ васъ о поэзіи смѣшное представленья	249

Картинки.

На конѣ брабантскомъ плотномъ	93
Помню: какъ-то разъ мнѣ снился	105
Разъ одинъ изъ фараоновъ	115
Не можетъ юноша, увидѣвъ	213

Портреты.

Часто съ тобою мы спорили	27
Ты часто такъ на снѣгъ глядѣла	46
Если-бъ все, что упадаетъ	58
Нѣтъ, никогда, никто всей правды не узнаетъ	62
Твой умъ силенъ, спокоенъ, крѣпокъ	83
Въ древней Греціи, бывало	125
Его портретъ лѣтъ тридцать только	127
Совсѣмъ примѣрная семья!	128
Какъ ты чиста въ покоѣ ясномъ	129
Стою я съ ужасомъ у гроба	145
Какъ на свѣчку мотыльки стремятся	194
Еще недавно, полонъ силы	199
Погасало въ нихъ бывое	201
А, ты не вѣрила въ любовь! Такъ хороша	207
Славный вождь годовъ далекихъ!	215

Начало см. на предыдущ. стран. обложки.

графического, и т. п. содержанія, изложенный притомъ въ легкой, интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ.

Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно исполненныхъ гравюрахъ и автотипяхъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ.

ИЗДАНИЕ РЕКОМЕНДОВАНО:

I. Учебнымъ Комитетомъ при СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ—для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ духовныхъ семинарій и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

II. Ученымъ Комитетомъ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ—для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ педагогическихъ курсовъ при женскихъ гимназіяхъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также для раздачи воспитанникамъ учебн. заведеній въ видѣ награды.

III. Главнымъ управленіемъ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ—для приобрѣтенія въ библиотекѣ военныхъ и юнкерскихъ училищъ и въ ротныхъ библиотекѣ кадетскихъ корпусовъ.

IV. Для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, а і томъ, кромѣ того, и для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста этихъ заведеній.

Цѣна за оба тома 7 р., съ перес. 7 р. 75 к., въ двухъ изящныхъ переплетяхъ 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. «Похожденія Чичикова или МЕРТВЫЯ ДУШИ» Поэма Н. В. Гоголя, въ 2-хъ частяхъ, съ портретомъ автора, 10 гелиографюрами и 335 иллюстраціями. Роскошное изданіе: бумага, печать и воспроизведеніе иллюстрацій не оставляютъ желать ничего лучшаго. Цѣна изданія: въ 12-ти брошюрован. выпускахъ—12 руб., съ перес.—13 р. 50 к. Въ прочномъ и красивомъ коленкорсовомъ переплетѣ съ кожан. корешкомъ—16 руб., съ перес. 18 руб. Въсѣ 15 фунтовъ.

Вагнеръ, Н. П. Картины изъ жизни животныхъ. Съ 300 иллюстраціями художниковъ: Ю. Адама, Л. Бекмана, І. Вольфа, А. Вѣрушъ-Ковальскаго, Н. Каразина, А. Кившенно, В. Кунерта, Н. Сверчкова, А. Шпехта и Ф. Шпехта. Большая роскошно-иллюстрированная книга въ 4 д. л., болѣе 800 столбцовъ текста съ иллюстраціями. СПб. 1901 г. Цѣна книги, переплетенной въ прочную папку съ акварелью Н. Н. Каразина, печатанною въ 12 красокъ—5 руб., съ перес. 6 руб.

Луговой, А. «POLICE VERSO»—«ДОБЕЙ ЕГО!» Параллели.—Роскошно иллюстрированное изданіе, съ 87 рис. А. В. Маковского. По глубинѣ своей мысли и оригинальности внѣшней формы—книга А. Лугового весьма интересна. Содержаніе ея составляютъ четыре яркія картины, рисующія психологію толпы, ея кровожадность и жестокость по отношенію къ слабому, униженному и оскорбленному, и написанныя очень колоритно, съ чуткимъ пониманіемъ человѣческой души. Художественность произведенія еще болѣе усиливаютъ великолѣпныя иллюстраціи, воплощающія мысль художника. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ роскошномъ перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

„Альбомъ Украинской Старины“. Роскошное изданіе in folio, состоящее изъ 21 таблицы съ акварелями С. И. Васильковскаго и съ рисунками Н. С. Самокиша, съ приложеніемъ обширныхъ объяснительныхъ статей проф. Д. И. Эварницкаго, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Цѣна этого роскошнаго альбома, заключеннаго въ изящную папку,—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, въ 12-ти томахъ, 8458 стр. in 8^о, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильнаго памятника. Цѣна 12-ти томамъ 18 руб., съ перес. 21 руб.; въ перепл. 24 р., съ перес. 27 р. Цѣна каждому тому въ отдѣльной продажѣ (только безъ переплета) 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Фетъ, А. А. «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ» подъ редакцію Б. В. Никольскаго, въ 3-хъ томахъ, съ 4 портретами и автографомъ Фета, съ хронолог. и алфавитн. указателями, и съ предисловіями. «Отъ издателя» и «Отъ редактора» и съ приложеніемъ вступительныхъ статей. Изящное изданіе 1754 стр. СПб. 1901 г. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ перепл.—6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 25 к. Цѣна роскошн. изданія, отпечатан. на слоновою бумагѣ, 10 р., съ перес. 11 р.; въ богатыхъ перепл.—13 р., съ перес. 14 р.

Майковъ, А. Н. «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ». Новое 7-е изданіе, въ четырехъ томахъ, съ автографомъ и 2 портретами А. Н. Майкова, гравирован. на стали Ф. А. Брокгаузомъ. Изящное изданіе, XXVI+2284 стр. въ 8-ю д. л. СПб., 1901 г. Цѣна за всѣ 4 тома 4 руб., съ перес. 4 р. 75 к., въ перепл.—6 р., съ перес. 6 р. 75 к. Для лицъ, имѣющихъ уже предыдущія трехтомныя изданія, новый IV томъ продается отдѣльно (только безъ переплета) по цѣнѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава). СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, въ шести томахъ, 3562 стр. in 8^о, съ критико-біографич. очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполненнымъ гелиогравюрой. Цѣна 9 р., съ пересылкою 10 р.; въ 6-ти красивыхъ коленкоров. переплетахъ—12 р., съ пересылкою—13 р. 25 к.

Горбуновъ, И. Ѳ. «СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ». Подъ редакцію и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ-гелиогравюрою И. Ѳ. Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ переплетахъ 5 р., съ перес. 5 р. 75 к. Цѣна роскошн. изданія 8 р., съ перес. 9 р.; въ перепл. 9 р., съ перес. 10 р.

Полонскій, Я. П. „ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ“, въ 5-ти томахъ, вновь пересмотрѣнное и очень значительно дополненное, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Я. П. Полонскаго, гравиров. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 75 к.; въ 5-ти перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 25 к.

Потапенко, И. Н. «СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ», въ 12-ти изящно изданныхъ томахъ, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и содержащихъ 3948 страницъ въ 8-ю долю листа. Цѣна 12-ти томамъ—12 р., съ перес. 14 р.; въ 6-ти переплетахъ—15 р., съ перес. 17 р. Цѣна каждому тому (только безъ перепл.)—1 р., съ перес.—1 р. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербурга, М. Морская, № 22.—Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Пачковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. маг. „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, № 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

0
9. P5

S

104

's

2

PG 3470 .S59 .P5

C.1

Plešni iz ugotovka.

PG
3470
.S59 .P5

Stanford University Libraries

3 6105 036 831 126

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

28D APR 9 1994

DATE DUE

OCT 25 1995

28D MAY 7 1994

28D NOV 11 1994

28D DEC 1 1994

DEC 13 1994

28D JAN 10 1995

28D MAY 8 1995

DOC MAY 8 1995

